

Г.В. Залевский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В шести томах

Том шестой

**Автобиографический
(«А еще психолог!?!»)**

Томск
2013

УДК 158.9
ББК 88
3 23

Редакционная коллегия:

Э.В. Галажинский, Т.Г. Бохан, В.Г. Залевский,
Н.В. Козлова, Н.А. Кравцова, Т.В. Рогачева,
С.В. Смирнова, А.В. Соловьев

Залевский Г.В.

3 23 Избранные труды : в 6 т. – Томск : Томский
государственный университет, 2013. – Т. 6:
Автобиографический («А еще психолог!?!»). – 112 с. +
64 вклейки

ISBN 978-5-9462-1388-2 (т. 6)

ISBN 978-5-9462-1382-0

Избранные труды профессора Г.В. Залевского отражают главные направления его научных интересов и многолетних исследований в психологической науке и практике: вопросы теории и методологии психологических и психопатологических исследований (т. 1), конкретные экспериментально-психологические исследования личности в норме и патологии с акцентом на фиксированные формы поведения – понятие, введенное автором в психологию и психопатологию в 70-х гг. прошлого столетия (т. 2), проблемы клинической психологии и психологии здоровья (т. 3), вопросы психологической практики (психотерапия и консультирование) и психологической супервизии (т. 4), составление многоязычных психологических словарей, переводы психологических руководств по поведенческо-когнитивной терапии и консультированию (т. 5). Том 6 отчасти является автобиографическим и, кроме того, содержит почти публицистические по актуальности материалы, которые сегодня интересуют широкий круг читателей.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9462-1388-2 (т. 6)
ISBN 978-5-9462-1382-0

© Залевский Г.В., 2013
© Томский государственный университет, 2013

G.V. Salevskij

SELECTED WORKS

In six volumes

Volume six

**Self biographic
("And are you psychologist!?")**

Tomsk
2013

UDK 158.9
BBK 88
Z 23

Edition team:

E.V. Galazhinskij, T.G. Bokhan, V.G. Salevskij,
N.V. Kozlova, N.A. Kravzova, T.V. Rogacheva,
S.V. Smirnova, A.V. Solovjov

Salevskij G.V.

Z 23 Selected works : in 6 vol. – Tomsk : Tomsk State University,
2013. – Vol. 6: Self biographic (“And are you
psychologist!?”) – 112 p. + 64 insets

ISBN 978-5-9462-1388-2 (vol. 6)

ISBN 978-5-9462-1382-0

The selected works of professor G.V. Salevskij reflect the basic directions of his interests and long years studies on psychological science and practice – from the questions of theory and methodology of psychological and psychopathological studies (Vol. 1), concrete experimental psychological studies of personality in norm and pathology with accent on fixed forms of behavior (the concept introduced by him into psychological practice in 1970 year) (Vol. 2), the problems of Clinical Psychology and Health Psychology (Vol. 3), the questions of psychological practice (psychotherapy and consultation) and psychological supervision (Vol. 4) and to creation of many languages psychological dictionaries and translations (Vol. 5). The Volume 6 is autobiographical one but contains some scientific-popular information which for broad circle of readers is interesting.

UDK 158.9
BBK 88

ISBN 978-5-9462-1388-2 (vol. 6)
ISBN 978-5-9462-1382-0

© Salevskij G.V., 2013
© Tomsk State University, 2013

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Штрихи к портрету юбиляра

Человек, которому ничто не мешает БЫТЬ... быть удивительно разным. Прежде всего, Генрих Владиславович воспринимается нами как ХРАНИТЕЛЬ лучших ценностей в нашей профессии и жизни. Как основатель и редактор «Сибирского психологического журнала» он собиратель всех достижений профессионального сообщества психологов. Как председатель диссертационных советов он хранитель и защитник лучших достижений сибирской научной мысли. Как основатель научной школы он продолжатель лучших традиций психологической науки. Как составитель уникального трехязычного психологического словаря он поддерживает непростую нашу профессиональную словесность.

Оставаясь классическим УЧЕНЫМ, заслуженным деятелем науки, основную научную деятельность (в масштабе двух своих диссертаций) он посвятил глубочайшей тайне – тайне человеческой привычки. «И действительно, нет наставницы более немилосердной и коварной, чем наша привычка. Мало-помалу, украдкой забирает она власть над нами, но, начиная скромно добродушно, она с течением времени укореняется и укрепляется в нас, пока, наконец, сбрасывает покровы со своего властного и деспотического лица, и тогда мы не смеем уже поднять на нее взгляда» – писал еще М. Монтень. А Генрих Владиславович не только укротил этого дракона, но и помог сделать это своим многочисленным последователям. При этом он является одним из самых конструктивных научных оппонентов: кто бы еще смог так просто сразу понятию «Человека Ноэтического» противопоставить понятие «ЧЕЛОВЕК ИРДИЧЕСКИЙ», изобретенное самим автором.

Думается, что это звание он оправдывает и своей жизнью. В самом деле, являясь неутомимым НАУЧНЫМ ТУРИСТОМ, он практически прикоснулся к основным цивилизациям мира от Японского и Красного морей до Мексиканского залива. Ему также трудно найти равного в спортивном туризме, где, меняя способы передвижения, он ирридически

прочувствовал многообразные ландшафты нашей страны (от Иркутска до Жмеринки).

Несомненно, являясь человеком иррически-ноэтическим, для нас Генрих Владиславович стал живым примером многомерного профессионализма. Он сконцентрировал в своей деятельности удивительную разносторонность научных интересов и профессиональных позиций. Будучи членом-корреспондентом РАО, руководителем лаборатории медицинской психологии НИИПЗ СО ТНЦ АМН, директором Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО, заведующим кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии ТГУ, председателем диссертационных советов, он обнаруживает высокую компетентность в очень разных областях профессиональной психологии: от истории до супервизии, от методологии до практики.

Дорогой Генрих Владиславович! Редакция «Сибирского психологического журнала», сотрудники факультета психологии и все психологи, знающие и помнящие Вас, желают Вам аутентичной наполненности жизни здоровьем, оптимизмом, счастьем и творческими открытиями.

*Профессор В.И. Кабрин, зам. главного редактора
«Сибирского психологического журнала»*

СМЫСЛ ЖИЗНИ – В САМОЙ ЖИЗНИ

К возрасту, до которого я добрался, –75 лет – люди обычно садятся за мемуары. Я решил воспользоваться случаем и юбилеем, а также возможностью издать свои труды праведные (избранные труды) и завершить их чем-то вроде мемуаров. В своих научных поисках и психологической практике я следую тезису: *душа и тело, конечно, различаются, но не следует их разъединять, тем более разрывать*. Перефразируя эту мысль, скажу, что психологические труды и жизнь моя (автобиография), конечно, различаются, это разные «жанры», но все-таки не стоит их разъединять.

Я родился не в семье профессиональных психологов и тем более не родился психологом, но все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом. Другой вопрос, а что от этого психологии? Тешу себя мыслью, что она во мне не разочаровалась за почти 50 лет тесного с ней общения, поскольку я любил и люблю не себя в психологии, а психологию в себе, если позволительно мне перефразировать уже известное выражение.

Однако о зигзагах моей жизни, в том числе и профессиональной, лучше всего, наверное, рассказывать, глядя назад через призму главных событий, так сказать, по эпохам.

1938–1955

От рождения до окончания школы

Я – ребенок лихих военных и голодных послевоенных лет. А все в моей жизни начиналось тоже своеобразно. В ночь под новый 1938 год, когда вся семья собралась встречать этот самый Новый год, мою маму срочно увозят рожать меня. До сего дня мне не известно, родился я до боя курантов, т.е. в старом году, или после боя курантов, в новом году. В любом случае родители поступили мудро, когда зафиксировали день (ночь) моего рождения 1 января 1938 года. Так я оказался на целый год моложе! Да и вообще я праздную сразу два праздника – Новый год и День рождения. Далеко не всем так весело. Да и экономично!

Назвали меня Генрихом. В отношении имен своих детей мои родители были довольно оригинальны – всем детям дали довольно редкие имена, заглянув в какую-то книгу-справочник имен: Маина (Мая), Рикард, Викентий, да и меня, последнего, Генрихом нарекли. Что-то польское в

наших именах было (а надо сказать, что по матери у меня корни польские: бабушка и дедушка по материнской линии – из обедневшей польской шляхты Гжешевских).

Однако о том, что я Генрих, знали только документы, даже близкие об этом не очень помнили. Я был для товарищей по школе, по улице, по работе, по армии Генкой, Геннадием, а для близких – Геной. Я стеснялся имени Генрих, и в этом виновата была война. Мои сверстники (и не только) запросто могли обзывать меня Фрицем, фашистом и т.д. Мои родители не могли знать, что скоро будет война и немцы-фашисты, в том числе и Генрихи, нападут на Советский Союз, оккупируют Украину и будут хозяйничать в Баре до апреля 1944 года.

Конечно, начала войны я не помню, но помню, хотя и смутно, ее окончание в нашем городе, как «драпали» немцы, все бросая, в том числе «военное имущество», которое потом взрывалось и отрывало руки, ноги и головы не одному любопытному и неосторожному барскому подростку.

Многое вспоминается из того лихого времени благодаря рассказам и воспоминаниям старших – сестры, брата, родителей. Например, как мама, чтобы прокормить четырех детей и мужа – инвалида первой группы (отец, военный авиамеханик, еще до войны в Севастополе получил контузию), из немецкой столовой, где она работала посудомойкой, рискуя жизнью, тайком приносила еду. Как квартировавший в нашей квартире немецкий офицер брал Викентия, моего брата, в районе ушей за голову, поднимал и спрашивал, видит ли он Москву. А после этого иногда давал малышу шоколадку. Вот такой шутник. Но долго еще (и уже далеко после войны) брат жаловался на головные боли.

Смутно помню, опять же из разговоров взрослых, как мимо дома, в котором мы жили, где-то в году 1942–1943, по улице, которая вела на городское кладбище (цвынтар), немцы ввели на расстрел колонну евреев. Об этом в книге «На всю оставшуюся жизнь» рассказывает и бывший житель Бара, ныне гражданин Израиля, Лева Клебан. Нам приходилось встречаться на спортивных мероприятиях. Он был капитаном волейбольной команды украинской школы № 2, а я – членом волейбольной команды украинской школы № 1. Эту книгу мне прислал брат Викентий, который тоже живет сегодня в Израиле. Он женился на еврейской девушке Рае, которой посчастливилось выжить в то страшное время. Ее вместе с матерью и старшим братом прятала в погребе украинская семья. Однако о барских евреях и расстрелах во время оккупации я расскажу чуть позже.

Город Бар – это маленький районный центр в Винницкой области, расположенный в 60 км от областного центра. На месте нынешнего Бара до 1452 года было поселение Ров, располагавшееся на берегу одноименной реки. Поселение Ров было полностью уничтожено татарами. Сто лет спустя на этом месте был построен замок, который постепенно превратился в городок, получивший название Бар, поскольку возник по желанию польской принцессы итальянского происхождения из родовитого итальянского рода Бони-Бари.

Кстати, одноименные города есть в Италии и Черногории. С 1672 по 1699 год город Бар был под властью турок, затем поляков.

В начале XX века этот городок состоял из маленьких домов и кривых, грязных в дождь улочек. Проживало здесь 22 тысячи жителей (украинцы, поляки, евреи, армяне, русские), наиболее многочисленной была еврейская диаспора – 12 тысяч человек – ремесленники, кустари, торговцы. Началась война, и 1200 евреев ушли на фронт, а 8,5 тысяч были расстреляны фашистами в августе и октябре 1942 года. Что-то из этих трагических событий мне запомнилось. Страшно то, что среди тех, кто расстреливал, были не только немцы, но и украинские националисты.

В сентябре 1945 года я пошел в первый класс Барской средней школы № 1, которую вполне благополучно (в аттестате оказалась только одна тройка по физике – видимо, я все-таки гуманный по существу, а потому и психолог) окончил. У нас были замечательные учителя, начиная с начальной школы. Я многих вспоминаю с благодарностью и сегодня: Нина Ивановна, учительница с первого по четвертый класс, Клим Александрович Левицкий, директор школы и учитель химии (удивительно, но по химии у меня в аттестате «5»), замечательными учителями по многим предметам – русскому языку, немецкому языку, истории – были евреи.

Об одном из них я должен рассказать обязательно, а именно об учителе немецкого языка. Видимо, не зря у меня в аттестате оказалась пятерка по немецкому, он меня хорошо учил, особенно хвалил мое произношение. И это во многом определило мою судьбу – профессиональную и жизненную. После армии я не вернулся на шахту, не занялся никаким другим делом, а поступил в Институт иностранных языков, и моей первой профессией стала профессия учителя немецкого языка (и английского).

Учитель практически ничего не рассказывал нам о своей жизни. Я кое-что узнал значительно позже. Родился он на Винничине. В 1941 году его призвали в армию, он был связистом. Хорошо знал немецкий язык. Попал в плен, сидел в концлагере Оснабрюк. Ждал, как и другие узники, когда его

увезут на расстрел или уморят голодом. Лагерь освободили американские войска. Он вернулся на родину, поступил в педагогический институт, стал учителем немецкого языка. Был лучшим учителем немецкого языка Барского района. Имел абсолютный слух, великолепно играл на скрипке. Планировал в 1991 году с семьей уехать в Израиль, но коварная болезнь преврала жизнь этого замечательного человека, учителя и музыканта. Многие его помнят и благодарны ему. Я один из них. Его имя Давид Герценштейн. В его фамилии есть слово Herz (сердце), и это не случайно.

Кстати, русский язык, как и немецкий, был для меня одним из иностранных, поскольку мой родной язык украинский (все предметы я изучал на украинском языке, и школа была украинской). В нашем городе было две украинских школы и одна русская, так что можно было выбирать. Мой старший брат Рикард начинал учиться в украинской школе, а заканчивал русскую.

Иногда я, шутя, объясняю кое-кому, что у меня «еврейское» образование и «монастырское» воспитание. Монастырским я называю свое воспитание потому, что фактически с 1945 по 1957 год жил в доме, который являлся частью женского монастыря. Монастырь был действующим где-то до 1958 года. Помещения здесь были очень мало приспособлены для жизни, но зато стены были толстыми, как положено в монастырских кельях. Жили здесь самые бедные – это было своего рода горьковское «дно».

Сколько я себя помню, у нашей семьи никогда не было своего дома или квартиры постоянной, все больше в «монастыре» в разных «кельях» и на разных этажах, т.е. не было своего «гнезда», а потому все птички-дети, моя сестра и братья, очень рано стали самостоятельными. Сестра в 16 вышла замуж, чтобы вырваться из бедности, за боевого лейтенанта, и судьба забросила ее в Сибирь. Сейчас она во Владивостоке, где живут ее дочь и внуки. Брат Рикард вместо учебы в Краснодарском сельскохозяйственном институте пошел в летное училище – там кормили и одедали. Летал на реактивных самолетах, закончил службу начальником штаба вертолетной части в Подольске (под Москвой) и ушел в отставку в звании подполковника. Брат Викентий уже после седьмого класса поступил в ремесленное училище и стал помощником паровозного машиниста. Значительно позже окончил техникум, был начальником одного из цехов Ангарского нефтехимкомбината, сейчас живет в Израиле, поскольку в свое время женился на еврейке (кстати, в нашей семье довольно интернационально: муж старшей сестры – с берегов Лены, не очень ясных корней, брат Рикард женился на татарке, брат Викентий – на еврейке, а я – на русской, которая родилась в

Якутии). Пожалуй, я дольше всех задержался в монастыре, хотя мне тоже хотелось скорей-скорей и из монастыря, и из Бара вон. А куда?

От хронологии событий к их рефлексии

Что замечательного или примечательного произошло в этот временной промежуток моей биографии и как к этому следует отнести сегодня? Кроме того, что я появился на свет, замечательного в этот период моей жизни было мало. Фрейд (и вообще ортодоксальные психоаналитики) считают, что первый крик ребенка при рождении – это не физиологический акт, а акт психологический, это крик ужаса: «Куда я попал!?!». Был ли мой крик криком ужаса, не знаю, не помню, но зато помню, это уже, конечно, значительно позже, что я оказался четвертым в семье, которая, в связи с тем, что здоровье отца катастрофически ухудшалось, жила все трудней и трудней, все бедней и голодней. А старшие дети, особенно старшая сестра, не раз обижались на мать, что она в эту бедность все рожала, да и меня еще, уже четвертого.

Помню, что я свою собственную одежду – костюмчик – одел лишь в десятом классе на выпускной вечер. А до этого времени – все ношеное-переношеное и латаное доставалось мне по наследству от старших.

Усугубилась бедность в связи с войной и послевоенными голодными годами. Конечно, случались голодные времена и позже, но такое тотальное чувство голода, что все время хочется есть, одолевало где-то с 1945 по 1950 год. Это было время, когда ели бурду, похлебку, очистки и крапиву. Те, у кого был свой дом, свой приусадебный участок, быстрее справились с «голодухой». А у нас в то время был только «свой монастырь», были добрые монашки. Прихожане из окрестных деревень приносили по религиозным праздникам (особенно на пасху) всякую съедобную всячину, которой монашки делились с беднотой.

Однако Никита Сергеевич, к сожалению, разогнал монастыри, и наш тоже, так что «лафа» для нас кончилась. Бывало, что подкармливали меня родители некоторых моих друзей-одноклассников, чаще других – родители Жана Бацмановского, который жил на той же улице Интернационалистов, но в своем доме с приусадебным участком (садином) на берегу реки; у них была своя лодка, отец рыбачил. Я любил бывать у Бацмановских. Правда, однажды их пес, несмотря на то, что мы знали друг друга довольно давно и неплохо, совершенно неожиданно, когда я его хотел погладить по холке, цапнул меня и прокусил руку. С тех пор я перестал

верить собакам; хотя нет страха, но нет и доверия. Сегодня мне порой приходится иметь дело с клиентами, которые испытывают страх перед собаками, и я их понимаю.

Светлые моменты того времени – это пионерские лагеря: весело и почти сытно. С удовольствием я занимался физкультурой и спортом, особенно волейболом, баскетболом, несмотря и вопреки малому росту. Видимо, это была попытка не просто не отстать от сверстников, более рослых, но и доказать другим и себе, что я не хуже, и укрепить характер.

Через характер была попытка скорректировать тип нервной системы и темперамента, который при всей моей сангвинической конституции имел и слабости меланхолического, что проявлялось в повышенной ранимости, обидчивости, плаксивости, слезливости. Я и сейчас, во взрослом состоянии, закалившись, казалось бы, могу довольно легко обидеться до слез. Подобное я замечаю и за некоторыми моими сыновьями. Это, конечно, не свидетельство слабости характера, а скорее конституциональная особенность. Эта особенность не помешала моему жизнедвижению и жизнеутверждению, самоутверждению, самореализации и самоактуализации. Обращаюсь к своему самому младшему сыну Артему: «Не переживай, сынок, это тебе тоже не мешает в жизни; просто у нас, Залевских, видимо, кожа не такая толстая, как у многих других».

Поднять самооценку до необходимого уровня в этот период времени, к окончанию школы, мне все-таки не удалось. Тяжелым грузом был даже не рост, не «тонкокожесть», а то, что я слышал нередко: «Да-да, вин из той бидной семьи, дэ такой батько несчастный, инвалид» и т.п.

На этот счет было много переживаний. Из-за этого во многом и стремились дети – сестра, старшие братья, да и я сам – скорее вырваться, уехать из Бара.

1955–1961

От окончания школы до поступления в институт

В школе моя успеваемость была в районе, близком к «хорошистам». Помимо физкультуры и химии, «отлично» у меня было и по немецкому языку, что в будущем, как я уже говорил, очень положительно сказалось на моей жизненной и профессиональной траектории. И физкультурником я был совсем неплохим. Однажды стал даже чемпионом пионерской дружины школы по гимнастике; несмотря на малый рост, был членом

школьной волейбольной команды, неплохо играл в баскетбол. В классе я по росту был предпоследним в строю, тянулся и старался не отставать в спорте от более рослых одноклассников, и не только в спорте. Видимо, и меня не обошел в свое время (хотя я уже давно от него избавился) адлеровский «комплекс неполноценности». Но главное, что спорт стал моим спутником на всю жизнь. Я не стал профессиональным спортсменом, великим спортсменом, но всегда занимаюсь спортом, остаюсь спортивным человеком. Правда, у меня были разряды по нескольким видам спорта; например, по пеше-льжному туризму я стал кандидатом в мастера спорта (прошел от Байкала до Урала и далее), но об этом разговор отдельный и позже.

Так куда после школы? И тут начались мои «зигзаги удачи», вынесшие меня, в конце концов, в день мой нынешний. Можно перефразировать поэта: «Как много пройдено дорог, как много сделано ошибок!». По молодости, по неопытности и наивности, по глупости. Первоначальный план – вместе с моими друзьями-одноклассниками Жаном Бацмановским и Эдиком Мрачковским (к сожалению, оба еще в довольно хорошем возрасте ушли из жизни) поступать в Киевский автодорожный институт. Здесь было, что называется, движение за компанию, поскольку я особой тяги к технике и профилю этого института не ощущал.

И, возможно, я бы поступил в этот институт, как поступили мои друзья-одноклассники. Но я совершил «роковую» или «судьбоносную» ошибку. Я не послал документы в институт, а поехал в Киев, чтобы отнести их самому в приемную комиссию, поскольку в Киеве жила моя тетька, родная сестра отца. И когда киевские родственники узнали, что я хочу поступать в институт, да у меня есть тройка в аттестате, они начали усиленно меня от этой затеи отговаривать, убеждали, что я не поступлю, что у меня не получится, что не надо и пытаться, ведь если не получу стипендии, то жить будет не на что, и т.д., и т.п. Была оказана не поддержка моего намерения, а давление на мою самооценку, которая и так была критической – у паренька из маленького городка, из соответствующих жизненных условий, ждать помощи материальной неоткуда и т.д.

Советы, как я позже понял, были еще и потому такими настойчивыми, что среди них на то время никто не имел высшего образования, в институтах не учился, а тут мальчишка – бедный родственник – намерен в институт поступить. И я поддался давлению родственников на мою неокрепшую психику и подал документы в техникум, уже не помню в какой. Сдал экзамены и получил одну тройку, с которой, как оказалось, мне

не будет стипендии. А на что жить бедному студенту? И нашел другой техникум, где мне в приемной комиссии сказали, что с моими оценками я получу у них стипендию. Обрадованный, я забрал документы в одном техникуме, а в другом, как оказалось, обещания уже не помнили и документы не приняли. Так я оказался ни с чем, на улице большого города Киева, а время приемных экзаменов в вузы и техникумы уже ушло. Что делать? Это были, пожалуй, мои первые «уроки психологии», или горькие «горьковские университеты».

Уезжать домой ни с чем, вернее, с позором, конечно, не хотелось. Устроился разнорабочим на авиационный завод, который начал выпускать знаменитых Антеев. На взлете первого Антея мне посчастливилось присутствовать, когда он взлетал с заводского аэродрома. Это единственное светлое воспоминание того времени – времени тяжелого, голодного, почти до потери сознания от голода. Ведь я получал 20 рублей, из которых должен был платить половину за жилье – делил одну кровать на двоих с хозяйским сыном в пригородной киевской деревне.

Долго я такую жизнь выдержать, конечно, не смог и уехал после нового года – это уже был 1956 год – в свой родной Бар. В Баре я поработал на стройке, на сахарном заводе, в качестве кочегара-водоката, в обязанности мои входило, кроме прочего, дергать за специальный шнурок и давать заводской гудок по определенному расписанию – утром, в обед и вечером. Это вызывало интерес недолго; вскоре появилась мысль, что можно так гудеть всю оставшуюся жизнь. Тем более, что заработок от этого гудения был мизерный, перспективы никакой.

А где был, по слухам, большой заработок? Конечно, у шахтеров, в Донбассе. И я отправился на Донбасс в город Сталино (ныне Донецк), где поступил в ТУ (техническое училище) № 1 на Петровке, в одном из пригородных районов. Это чуть дальше пригородного поселка Рутченково, где на ремонтном заводе начинал свою карьеру Никита Сергеевич Хрущев. Во время учебы в техническом училище нас возили на экскурсию на этот завод, показывали огороженное место в цехе – «рабочее место Генсека».

Выучился я на подземного электрослесаря. Как окончившего училище с отличием направили меня на хорошую шахту, там же, на Петровке, на шахту передовую по тем временам № 4-21-бис. Шахта как шахта – приблизительно 400 с лишним метров ствол, а до рабочего места, до забоев – еще километр по уклону. Шахта – это мои вторые «психологические уроки», так сказать, подземные, на приличной глубине, в постоянном напряжении, поскольку шахта была в зоне повышенной опасности по газу (ме-

тан) и пыли. Это была шахта из тех, которые чаще других взрываются. Угольный пласт 90 см. Я отвечал за работу врубовой машины и конвейера.

Впечатления от шахты впечатляющие и их много: частые тревоги о повышении уровня метана и необходимости срочно убежать к стволу поближе, слепые лошади в вентиляционных штреках, потные и грязные (черномазые) от угольной пыли женщины, катающие вагонетки с углем и матерящиеся хуже сапожников. Каждый день после смены – обязательно баня. Я был в конце смены пропотевший и черномазый, только белки глаз светлели, целую смену – дежурство в одиночестве на зарядной станции, где ни души, только мышки шуршали. Жуть одолевала, когда посылали на оставленную на время лаву, чтобы подготовить к работе конвейер.

Заработки, конечно, были выше, чем на сахарном заводе в Баре, но не те, на которые я рассчитывал. А потому, что все тот же Никита Сергеевич, однажды объехав шахты, решил, что шахтеры почему-то много зарабатывают и урезал им зарплату. Это был 1958 год. Он же, наверное, к счастью моему, снял армейскую «бронь» с молодых шахтеров. А потому меня в октябре этого же года призвали в ряды Советской Армии. И пришло время моим уже третьим «психологическим университетам» – армейским.

Два года, с октября 1958 по декабрь 1960, я служил в войсках ПВО в городе Кременчуге Полтавской области. Это маленький районный центр, зеленый, симпатичный, на берегу Днепра. Известен он двумя примечательностями. Первая из них та, что на другом берегу Днепра находится город Крюков, связанный с именем А.С. Макаренко, а вторая – Кременчугская ГЭС, которая строилась во время моей службы в Кременчуге, так что я вместе с другими воинами принимал участие в каких-то черновых работах во время ее строительства.

Службу в армии я вспоминаю с добрыми чувствами – одет, обут, накормлен, избавился от гастрита, который меня сильно беспокоил до армии. А еще и спорт во всем его военном разнообразии! Я научился хорошо бегать 3-километровую дистанцию, преодолевать 10-километровые марш-броски в полном снаряжении. Особую выучку я прошел в школе младших командиров, которую закончил с отличием, причем получил квалификацию радиотелеграфиста 2-го класса, после чего был направлен в батарею управления дивизии командиром отделения, где вскоре стал помкомвзвода, а затем и старшиной батареи.

В конце 1960 года в Советском Союзе появились первые ракетные войска. Нашу часть переформировали в особую ракетную часть и эшело-

ном отправили в группу Советских войск в ГДР, где мы должны были охранять воздушный коридор из Западной Германии в Западный Берлин. Было интересно и напряженно, почти как в свое время на шахте с повышенной опасностью по газу и пыли: частые тревоги, дежурства («через день – на ремень, через два – на кухню»), чужая страна за оградой части.

Служба приближалась к концу, хотелось, чтобы она скорее закончилась. Правда, как отличника боевой и политической подготовки меня после каждого года службы поощряли краткосрочным отпуском (у меня всегда был выбор – получить нагрудный знак «Отличник боевой и политической подготовки» или краткосрочный отпуск домой; я выбирал отпуск). Во время второго отпуска я ездил в Сибирь, в город Ангарск Иркутской области, где жила в то время (1960 год) моя старшая сестра; она уговаривала меня после армии приехать в Сибирь.

Так вот, служба армейская приближалась к финишу, и поэтому возник вопрос, а что и куда дальше? Честно говоря, назад на шахту возвращаться не хотелось. А куда? Отцы-командиры, а они у меня были замечательные (и командир взвода лейтенант Горбань, и командир роты капитан Копылов) предложили мне остаться на сверхсрочную службу. Я было уже согласился и с этим смирился. А что, все-таки ГДР – это зарплата в марках и рублях, хотя и не в больших размерах, одет, обут и накормлен. Пришла и такая мысль, которую побудила моя «пятерка» по немецкому языку: а не пообщаться ли мне с немцами, подучить язык и дальше пойти уже по линии иностранного языка, поступить в соответствующий институт. А что? Почему бы нет? Хотя, честно говоря, хотелось на свободу, скорее из армии.

И тут опять невольно вмешался в мои планы Никита Сергеевич, но уже в положительном смысле. Вышло распоряжение правительства о направлении отличников боевой и политической подготовки, по рекомендации командиров частей и при согласии отличников, на учебу в вузы, досрочно демобилизовав уже в июле 1961 года, чтобы они успели к приемным экзаменам. Те же мои командиры, которых я всю жизнь буду благодарить, рекомендовали меня для досрочной демобилизации и поступления в институт. Я, конечно, ни минуты не сомневался и стал готовиться к этому замечательному событию. Начались некоторые приятности: меньше стало у меня дежурств, начали выпускать за пределы части в Дом офицеров, где со мной немного занимались русским языком; немецкий я начал слушать, шагая по улицам маленького немецкого городка Ратенов, где находилась наша часть,

наслаждался «свободой» (я вне воинской части, вижу вокруг людей гражданских, да еще немцев; кстати, именно в это время я вдруг увидел и понял, что у девушек есть такая симпатичная часть фигуры, как ножки! Правда, когда я женился, то ножки невесты и будущей жены были для меня далеко не главное, скорее лицо, глаза, улыбка, а также то, что она обещала!).

Конечно, я решил поступать в иняз, а выбор пал на Иркутский педагогический институт иностранных языков, поскольку там, в Сибири, в Ангарске, жила моя сестра. Конечно, по тем временам мне, учитывая льготы, которые предоставлялись при поступлении в вузы демобилизованным воинам, можно было в аналогичный вуз поступить и в Москве, и в Киеве, но я выбрал Иркутск, прежде всего учитывая наличие родственников в Сибири (мне она понравилась, когда я приезжал в краткосрочный отпуск), а также, если честно, где-то точил червь сомнения в уровне моей подготовки для поступления в столичные институты. Ведь прошло шесть лет после школы!

Иркутск, так Иркутск! Я не сообщал ни маме, ни сестре о своих намерениях, а только послал им открытку: «Ich komme!» («Я приеду!»). Эту открытку, как ни странно, сохранила моя мама, и попала она опять ко мне уже после смерти мамы.

Поступление мое в Иркутский иняз (сегодня Сибирский лингвистический университет) было вполне успешным: из четырех оценок три «пятерки» и одна «четверка» по сочинению. И тут я с большой благодарностью опять вспомнил своих школьных учителей, о которых рассказывал выше. Значит, неплохо они учили, если шесть лет спустя я выдал необходимые знания на вступительных экзаменах. Разумеется, волновался здорово, но уже не был тем цыпленком, как после окончания школы. «Психологические университеты», пройденные мною на земле и под землей, все-таки закалили меня и подняли мою самооценку. Хотя до профессионального психолога были еще новые «психологические университеты». Поступив в институт, я объявился в городе Ангарске у сестры, узнал, что сюда собирается приехать моя

мама с Украины. Впереди была новая эпоха моей жизни, интересная, многообещающая, студенческая!

Правда, путь от Ратенова (ГДР), который лежал через Франкфурт-на-Одере, Брест, Новосибирск до Иркутска, был не таким гладким; не обошлось без происшествий и потрясений, иначе говоря, он не был усыпан розами. Когда наш эшелон, а демобилизованных воинов Группы войск в ГДР набрался целый эшелон, пересек границу Родины и сделана была первая остановка, многие ребята бросились в ближайший магазин за выпивкой: «дембель», едут домой – захотелось устроить праздник. Это очень опасно, когда массы напиваются. И начальник эшелона начал «шмон» всех и вся на предмет изъятия алкоголя. А я еще в ГДР приобрел бутылку немецкой водки «Корн» (рожь), это был один из моих подарков близким. Он и был обнаружен при обыске. Объяснения мои начальник эшелона слушать не захотел, высадил с чемоданом из вагона, да еще грозился вернуть назад в часть. Он держал меня на перроне, пока поезд не тронулся. Только в последний момент махнул рукой, разрешив вскочить в вагон. Можно представить, что я испытал в те жуткие часы и минуты. Молодость, конечно, взяла свое, но рубцы все же остаются и когда-нибудь дадут о себе знать.

От хронологии событий к их рефлексии

Действительно, служба в армии мне много дала. Прежде всего, она укрепила меня физически, это чувствовалось и чувствуется сейчас, несмотря на болезни, операции, которые меня не минули, но физически не ослабили, тем более не сломали. Но это уже заслуга армии и в плане психологической, в том числе духовной, закалки. У меня значительно повысилась самооценка, этому способствовал мой «командирский» опыт, опыт командования людьми, ответственности за других людей, подчиненных. Без малого трехлетняя служба от «салаги» до «дембеля» пошла мне на пользу, правда, на всю дальнейшую жизнь не сделала меня «толстокожим». Как потом оказалось, более уверенным она меня сделала в отношениях с противоположным полом, я понял это, когда стал студентом иняза, но об этом чуть позже.

1961–1967

**От поступления в институт до отъезда
в Москву на стажировку по психологии**

Пять лет учебы в институте пролетели быстро, напряженно и интересно. Напряжение связано было прежде всего с тем, что мне, великовозрастному студенту (ведь вокруг – вчерашние школьники, вернее, школьницы, мальчишек совсем мало, так что я из армейского мужского окружения попал в окружение преимущественно девичье и очень симпатичное – ведь это был иняз), приходилось прилагать много усилий, чтобы не быть отстающим в учебе и во всем остальном. Однако, с другой стороны, как прошедший школу рабочую и армейскую я был более зрелым студентом.

Первый год учебы был особенно трудным в материальном плане. Я почти целый год ходил в институт в армейской форме, в том, в чем пришел из армии, ничего другого у меня просто не было. А стипендия по тем временам была 22 рубля, их едва хватало, скорее, не хватало на еду. После армейской пищи было очень трудно на студенческих харчах. Конечно, пытался подрабатывать грузчиком в магазинах и многое другое делать. Но главной была учеба. В этих условиях вернулся доармейский гастрит, стал беспокоить камень в почках и – операция в начале второго курса обучения. Однако все благополучно завершилось, учеба продолжалась вполне успешно.

Началась активная общественная жизнь, улучшилось материальное положение. Выйдя в отличники, я стал получать стипендию уже 35 рублей. А с третьего курса как отличник учебы и общественный активист получал Ленинскую стипендию – 75 руб. По тем временам неслыханные деньги, тем более для студента. Более того, меня избрали, по настоятельной рекомендации ректората, секретарем комсомольской организации института, что, помимо занятости и ответственности, прибавляло мне еще 35 рублей от райкома комсомола. Такие были правила. И я стал получать на третьем курсе института в целом 110 руб., что было на 5 рублей больше того, что получал преподаватель института в должности ассистента. Столько получала и моя будущая жена, которую я выручил, дав согласие стать секретарем комитета комсомола института, поскольку ректорат первоначально направлял на эту комсомольскую должность ее.

Она уже была преподавателем, ей не хотелось заниматься общественной работой, хотелось иметь время на личную жизнь и вообще она считала, что не справится. Но, думаю, что справилась бы, я был до этого в ее

подчинении на сельхозработках. Она стала членом комитета комсомола института, так сказать, представителем от молодых преподавателей и сотрудников. А спустя полгода Евгения Ивановна Ломова стала моей женой.

Я – студент третьего курса – осмелился предложить руку и сердце преподавателю. По крайней мере, у меня были веские основания, прежде всего в виде моих 110 рублей, что на 5 рублей больше ее 105 рублей вузовского ассистента. Разумеется, был и целый ряд других убедительных аргументов в мою пользу: прошел армию, Ленинский стипендиат (один или два на весь институт), комсомольский секретарь, спортсмен, танцор (активный участник институтской самодеятельности), вокруг – девушки одна симпатичней другой, готовые невесты. Правда, при нормальной фигуре, солдатской выправке я не вышел ростом, не красавец (на что обращала мое внимание даже родная сестра), да еще в связи с нарушением обмена веществ после операции на почках начал рано лысеть. Но это все, как говорится, дело вкуса.

Свадьба состоялась. Но, к сожалению, так сложилось, что не сложилось. Почти через 40 лет мы расстались.

А пока жизнь прекрасна и удивительна! Я семейный человек, вскоре родился наш первенец Олег, радости не было конца. Все складывалось лучшим образом. В сентябре 1964 года институт послал меня на месячную стажировку в ГДР, в маленький городок Гюстров на севере страны близ Ростока, где был педагогический институт – место моей стажировки. Это было прекрасное время учебы, освоения немецкого языка и путешествий по ГДР – мы посетили Дрезден (Дрезденскую галерею), Эрфурт, Ваймар (рядом Бухенвальд) и другие города.

Прошло два года моего комсомольского секретарства. На пятом курсе я попросил меня от этого освободить, надо было подумать о будущих занятиях, были планы заняться наукой. Ректор настаивал, чтобы я остался секретарить, но я уперся, чем вызвал его неудовольствие. Ректором в то время был Николай Павлович Карпов, большой знаток испанского языка, воевавший в свое время в Испании. В последующем отношения наши наладились.

В 1966 году я окончил институт с красным дипломом. Меня оставили на кафедре педагогики и психологии, с чем я согласился и стал специализироваться по психологии, т.е. ступил на тропу профессиональной психологии. Видимо, что-то совпало в моих тайных желаниях разобраться в себе, понять других людей. При всей любви к иностранным языкам меня не очень тянуло к филологии и лингвистике как к наукам, пожалуй,

больше к психолингвистике. Моему повороту к психологии послужила и неудачная попытка сразу после института поступить в аспирантуру по лингвистике в МГПИ им. В.И. Ленина к доценту Девкину. Либо я не был очень готов, либо чем-то ему не приглянулся, но он не взял меня. Я вернулся в Иркутск, в иняз, где меня пригласил на кафедру педагогики и психологии ее заведующий доцент Константинов. Так я начал пытаться преподавать психологию, на ходу ее осваивая, поскольку прослушанные в свое время курсы меня никак не впечатлили и мало что от них осталось. Правда, параллельно я преподавал немецкий язык.

И после окончания института я остался активным участником туристических походов, которые мы совершали во время моей учебы на Байкал и вокруг Байкала под руководством завкафедрой физкультуры нашего института, очень интересного и симпатичного человека, туриста и музыканта Владимира Михайловича Бялоуса. Много лет учебы в институте и во время турпоходов (малых) мечтали и ковали планы больших переходов.

Вторая половина 60-х годов прошлого столетия была временем походов по следам боевой и трудовой славы. Мы выбрали маршрут по местам боевой славы Иркутско-Пинской дивизии. Эта дивизия была сформирована в Гражданскую войну на Урале легендарным Блюхером. Она участвовала в боях в составе армии, гнавшей Колчака до Иркутска, поэтому ей было присвоено имя Иркутская. Во время Отечественной войны она воевала в Белоруссии, штурмовала Пинск, а потому получила звание Пинской, в итоге стала Иркутско-Пинской дивизией, воевавшей в составе фронта, которым командовал маршал Рокоссовский. В конце нашего планируемого похода Байкал (Иркутск) – Урал (Свердловск) – Северный Кавказ (Новороссийск) – Крым (Керчь-Джанкой) – Киев – Пинск – Прага мы должны были встретиться с Рокоссовским в Москве. Но встреча, к сожалению, не состоялась по причинам, о которых я расскажу позже.

И поход этот состоялся в феврале – мае 1967 года, в нем участвовали 9 человек – 7 студентов (в том числе 3 девушки) и 2 преподавателя – В.М. Бялоус и я (к тому времени я уже год как окончил институт). Я был в качестве политрука и психолога нашей тургруппы. Нам предстояло пройти часть пути зимой до Урала на лыжах, а далее пешком. Что касается моих функций как психолога, то я ими пользовался скорее для себя самого, поскольку поход, особенно в начале, да еще на лыжах, оказался для меня очень тяжелым. Не раз возникала мысль, а не сойти ли мне с

дистанции? Но не сошел, хотя довольно тяжелый рюкзак за плечами (все необходимое несли с собой) временами перевешивал, так что приходилось клевать носом, обгоняя лыжи, особенно в ночные переходы, которые мы иногда тоже делали. Конечно, о походе можно долго рассказывать, много чего интересного происходило. Был он трудным по причине малоснежья в Иркутской области, Красноярском крае, Новосибирской области, чуть лучше – в Кемеровской и Томской областях.

Особенно памятен переход Тайга – Томск в начале марта. Это была моя первая встреча с Томском. Я тогда и подумать не мог, что через 15 лет приеду в Томск жить и работать и задержусь в нем надолго, возможно, и навсегда, хотя навсегда не входило в мои планы. Но, как говорится, человек полагает, а бог располагает. В конце 2012 года, когда я об этом пишу, исполняется ровно 30 лет моей жизни в Томске. В конце марта – начале апреля мы сбросили лыжи на Урале в районе Кунгура, после посещения знаменитых кунгурских пещер, поездом добрались до Новороссийска, искупались в Черном море. Хотя сезон был еще далеко не купальный, нам, сибирякам, температура моря и воздуха была в самый раз. Побывали мы и в гостях у комсомольцев Крымска, того самого, пострадавшего от селевых потоков и наводнения в 2012 году. Нас хорошо принимали, угощали вином, а после этого мы даже дали своими силами концерт. Затем мы переправились через Керченский пролив и пошли пешком по Крыму от Керчи и до Джанкоя.

Уже наступал май месяц, днем становилось довольно жарко, идти было все труднее. Но мы дошли до Белоруссии, до города Пинска – конечного пункта первого этапа нашего перехода.

Впереди была Чехословакия, Прага, поскольку Иркутско-Пинская дивизия участвовала в их освобождении от немецких войск. В Пинске нас встречали и принимали очень тепло, с хлебом и солью, с митингом и рестораном. Но кое-кто не рассчитал свои силы – это наш руководитель Владимир Михайлович Бялоус. После ресторана мы – опять сибиряки на радостях – бросились купаться фактически ночью в темную и холодную Пину. Владимиру Михайловичу тогда было уже за сорок, он тоже бросился в реку и... утонул. Это было величайшим потрясением для всех нас и не только. Так фактически бесславно закончился наш славный поход. Он вообще закончился, «накрылись» и Чехословакия, и встреча с маршалом Рокоссовским.

О нашем походе много писалось в прессе, прежде всего в местной Иркутской и в «Комсомольской правде»; в ряде городов были встречи на телевидении, в том числе и на томском.

От хронологии событий к их рефлексии

Трудно, особенно материально, начиналась моя студенческая жизнь. После армии это был сильный удар по моему организму. Нашлось в нем слабое место (*lokus minoris*) – почки, в которых образовались камни. В августе – сентябре 1962 года меня так прихватило, что только операция и спасла – камни таскали уже из мочеточника. Но самым не столько больным, сколько неприятным было то, что меня во всей красе моего хозяйства демонстрировали студентам(кам) мединститута, проходящим соответствующую практику. Однако операцию пережил я благополучно, а дальше – опять напряженная учеба, затем общественная, комсомольская деятельность, хореография, туризм, конечно, девушки, а их так было много, и симпатичных. Но с девушками все закончилось женитьбой, о которой я уже рассказал. А затем – размышления о планах на будущее, что будет после окончания института. Как семейный человек я более серьезно относился к таким вопросам. Надо заняться наукой и, видимо, с ней связывать свое будущее. Отказ от дальнейшего комсомольского лидерства в институте, больше времени для научного самоопределения. Эти заботы остались и во время похода.

Правда, надо признаться, что я все-таки еще не почувствовал себя настоящим, ответственным отцом, когда оставил 3-летнего сына и отправился в поход. Это был очевидный эгоизм. И вряд ли его оправдывает то обстоятельство, что и мама его оставляла, правда, с бабушками, дедушками, тетушками, уезжая (и не раз) на более длительные сроки. Конечно, если бы бабушки и тетушки сказали «нет!», то я бы никуда не ушел, хотя мне, если честно, ооочень хотелось уйти в поход – такое ведь случается один раз в жизни и запоминается навсегда! Тем не менее угрызения совести по этому поводу, а также по другим случаям, когда приходилось оставлять детей с бабушками, дедушками и тетушками, правда, в связи с серьезными причинами, мучают до сих пор.

Стажировка и аспирантура в Москве чуть не сорвались в связи с совершенно нелепым случаем. В августе 1967 года меня призвали на военную переподготовку в ВДВ, пришлось учиться прыгать с парашютом. Это было на Дальнем Востоке. Все призванные были новичками в парашютном деле, были и отказники. Я сделал три прыжка, служба закончилась, и мы, пережившие этот страх, крепко «отметили», что привело к конфликту с блюстителями закона, поскольку оказалось, что я владею не только русским, украинским и еще двумя иностранными языками, но и

матерным. А ничего удивительного, эту языковую школу я прошел не одну, особенно шахтерскую, армейскую. В семье у нас не было принято материться, но какое в этом отношении было окружение! И вот, при ослаблении контроля сознания кое-что полезло из недр памяти, да еще в общественном месте! Все, слава богу, обошлось, но могло окончиться менее благоприятно, а значит, судьбоносно – моя жизнь могла, по тем суровым нравственным «канонам строителя коммунизма», побегать совсем по другим рельсам, хотя я и раньше и позже не был замечен среди любителей спиртного и матерщины. Оказывается, как важно вовремя заработать себе доброе имя! Это мое обращение к молодым, к моим сыновьям и внукам прежде всего. Я благодарен тем людям, которые знали меня, поверили в меня и поддержали в тот момент: и ректор Николай Павлович Карпов, и секретарь парткома института Анна Николаевна Бессонова и многие другие.

1967–1974

Московский и иркутский периоды жизни

Иняз, правда, по моей инициативе, решил направить меня на стажировку по психологии в Москву. Так я попал в сентябре 1967 года в столицу, где мне два года надо было стажироваться на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина. В то время этой кафедрой руководил известный советский психолог, автор некоторых учебников по психологии, по которым и я учил психологию (например, «Общая психология» и «История советской психологии»), профессор Артур Владимирович Петровский, будущий президент Российской академии образования.

Кстати, первым заведующим этой кафедрой был известный психолог-марксист Константин Николаевич Корнилов. О нем ходило много легенд, одна из них была о том, как он, по его словам, оценивал психологические диссертации: «Я кладу диссертацию рядом с “Капиталом” Маркса и смотрю: если диссертация совпадает с “Капиталом”, значит, хорошая, а не совпадает, то плохая». На этой кафедре работали и классики советской психологии, такие, например, как профессор Николай Федорович Добрынин, автор классических работ по проблемам внимания и значимости, Михаил Семенович Роговин, который уже при мне защитил докторскую диссертацию, стал профессором, глубокий ученый, знавший три европейских языка, а потому и мировую психологию, давший впоследствии со-

гласие стать моим научным руководителем, хотя формально вторым (первым был Н.Ф. Добрынин), но по существу главным.

Многие молодые стажеры и аспиранты очень стремились попасть к Михаилу Семеновичу в аспиранты, но из того поколения я ему пригласился, наверное, еще и потому, что тоже владел на то время немецким и английским языками, что было несомненным моим преимуществом в плане возможности узнать мировую психологию, так сказать, из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики, современной зарубежной психологической литературы.

Впоследствии не только знание языков, но и многое другое нас сблизило, сдружило даже семьями. Я всегда останусь благодарным Михаилу Семеновичу и его семье за науку, за понимание, поддержку в трудные минуты жизни в Москве, благодаря чему я досрочно – не за два года, а за один – завершил стажировку, поступил в аспирантуру, успешно ее закончил и защитил в сентябре 1971 года кандидатскую диссертацию. А много лет спустя именно по рекомендации Михаила Семеновича и при поддержке академика АМН СССР А.В. Снежневского я очутился в Томске в качестве руководителя лаборатории патопсихологии НИИ психического здоровья ТНЦ СО РАМН.

Стажировка и аспирантура в Москве позволили мне фактически получить второе высшее образование по психологии, поскольку была возможность прослушать курсы лекций не только выдающихся и известных психологов МГПИ им. В.И. Ленина, общаться и дружить с коллегами по кафедре, как, например, с Валерией Сергеевной Мухиной, которая тогда была молодым кандидатом наук, а сейчас – академик РАО, известный ученый, автор многих замечательных трудов, прежде всего по возрастной психологии и психологии личности.

Мне посчастливилось прослушать курсы лекций таких выдающихся отечественных психологов, как: А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Б.В. Зейгарник, Б.Д. Эльконин, В.П. Зинченко, Л.И. Божович, Н.В. Менчинская, П.Я. Гальперин, В.А. Артемов, В.И. Жинкин, В.В. Давыдов и др. И не только слушать их лекции, но и общаться, задавать вопросы и получать ответы. Они мне тоже задавали вопросы, например, на защите моей кандидатской диссертации (Ф.Д. Горбов, который был моим первым оппонентом, К.К. Платонов, который был членом диссертационного совета, где я защищался). На апробации мне здорово досталось, но меня крепко поддержал второй аспирант Михаила Семеновича Саша Соловьев, с которым с тех времен мы подружились и дружим вот уже 40 с лишним лет.

Он пригласил меня домой (он сам из Севастополя, но к тому времени женился на москвичке и вполне комфортабельно жил). Напоили, накормили меня бедного, битого. Мы обсудили, почему так получилось. А потому, что я торопился, хотел быстрее-быстрее защититься, до лета 1971 года. И – домой, домой в Иркутск, к семье, так как Москва мне порядком надоела и т.д. и т.п. А потому я еще не успел хорошо осмыслить все мной проделанное.

Проделано было, как впоследствии выяснилось, немало, больше того, что требовалось от кандидатской диссертации.

Мое великое желание защититься до летних каникул чуть не привело к серьезному конфликту с моим научным руководителем Михаилом Семеновичем: по недоразумению он посчитал меня неблагодарным человеком. А недоразумение состояло в том, что я однажды позвонил ему домой из аспирантского общежития с телефона-автомата, куда требовалось бросить пятак. Я опять просил Михаила Семеновича договориться с председателем диссовета, каковым был А.В. Петровский, чтобы меня поставили на защиту до лета; в мае – июне планировался последний предлетний совет. Михаил Семенович объяснял, что он не может этого сделать, поскольку запланированы защиты аспирантов Петровского. А надо сказать, что отношения между Роговиным и Петровским на то время были не лучшими, не сложились, но об этом чуть позже.

В моем голосе, видимо, звучала обида... и вдруг телефонный разговор прерывается как-то неожиданно, а нового пятачка у меня не нашлось и вблизи никого, чтобы его одолжить. Я не перезвонил Михаилу Семеновичу, и он сильно на меня обиделся, посчитав, что я просто бросил трубку. Пришлось долго объясняться, ситуация была очень неприятная, для меня особенно: представьте себе, перед защитой диссертации научный руководитель фактически отказывается от дальнейшего сотрудничества, рвутся многолетние добрые отношения.

Ситуация для меня исключительно стрессовая... а еще психолог!(и)! Но, наверное, поняв, что у меня не было злого умысла, что не мог я так плохо поступить по отношению к нему, слишком велика моя благодарность ему, он постепенно сменил гнев на милость. Ведь у нас сложились к тому времени более чем добрые отношения, мы стали даже соавторами моих первых публикаций в центральных журналах. Так, например, благодаря Михаилу Семеновичу и его добрым отношениям с академиком АМН СССР А.В. Снежневским, главным редактором «Журнала невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова», появились в нем мои (в соав-

торстве с Михаилом Семеновичем) первые три статьи по теме диссертации. О таких публикациях аспиранты, особенно того времени, могли только мечтать. Более того, Михаил Семенович на собрании Московского общества психологов поддержал мою кандидатуру в составе делегации московских психологов на 4-й Всесоюзный съезд психологов, который должен был состояться в Тбилиси. И я побывал благодаря этому в Грузии. А в летние месяцы, осмыслив более глубоко свою диссертацию, основательно подготовившись к защите, я вполне успешно ее защитил 13 сентября 1971 года. Только тогда я понял, насколько это было правильно – дать (намеренно или нет) мне время на размышления, на отдых, хотя и напряженный.

Вместо рассказа о защите приведу отзыв на мою диссертацию первого оппонента профессора Федора Дмитриевича Горбова, очень уважаемого ученого, медика и психолога, участвовавшего в свое время в подготовке Юрия Гагарина к полету, награжденного орденом Красной звезды.

Федор Дмитриевич Горбов (1926–1977) после окончания медицинского института ушел на фронт и прошел всю войну в качестве военного врача. После войны в конце 50-х годов был назначен руководителем психологической лаборатории Института Авиационной и Космической медицины. В задачи лаборатории входила разработка и реализация программы отбора, обследования и психологической подготовки космонавтов к полетам. Демобилизовавшись в чине полковника медицинской службы, Ф.Д. Горбов проработал последний период своей жизни в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР, где заведовал лабораторией психических состояний. Заинтересованного читателя я отсылаю к изданной в серии «Психологи отечества» замечательной книге Ф.Д. Горбова «Я – второе Я» (Москва ; Воронеж, 2000).

Так вот, еще в такси по дороге на заседание диссертационного совета он меня почти что ругал, зачем я так много лишнего для кандидатской диссертации наделал. Но самое интересное, особенно для меня, а также для членов совета, коллег и друзей, было то, что сказал и предложил по поводу моей диссертации мой первый оппонент. Полностью отзыв Ф.Д. Горбова я приведу ниже (см. с. 103–106), а здесь – только заключительную часть:

Считаю своим долгом обратиться к Учёному Совету с предложением о рассмотрении представленной работы как докторской диссертации и представлении автора к степени доктора психологических наук, которой он достоин. Считаю также необходимым реко-

мендовать работу к печати. В такой монографии будет заинтересован самый широкий круг уже готовых специалистов, несомненно её польза для людей, подготавливающихся к работе в психологии и медицине.

**Официальный оппонент,
зав. лаб. «Психические состояния»
ВНИИ общей и педагогической психологии,
профессор, доктор мед. наук /Ф.Д. Горбов/**

Ну, а треск моего чуба, как говорят хохлы («паны дерутся, а у холопов чубы трещат»), я, пожалуй, почувствовал лишь на защите кандидатской диссертации после выступления и предложения Ф.Д. Горбова. Председатель совета нашел формальный аргумент против: «Да, есть у диссертанта большие публикации в центральной печати, но они в соавторстве. Вот если бы...».

Я, конечно, не обиделся, я был рад-радешенек успешной защите, высокой оценке моего труда. На празднование моей успешной защиты я пригласил мою маму Юзю, чему она была очень рада и рассказывала, что ей некоторые профессора (Федор Дмитриевич Горбов прежде всего) даже целовали руки, хорошие слова говорили о ее сыне. А А.В. Петровский, став много лет спустя Президентом-организатором Российской академии образования, бывшей Академии педагогических наук СССР, способствовал моему принятию в члены-корреспонденты РАО. Но то, что я, по словам Ф.Д. Горбова, сделал много лишнего для кандидатской диссертации, отрицательно сказалось на моем движении к докторской диссертации, затянуло ее написание почти на 17 лет.

Интересным фактом в моей жизни стало то, что я чуть не остался в Москве после защиты диссертации. На второй день после защиты раздался звонок и меня пригласил для беседы, по рекомендации кого-то из тех, кто был на моей защите, знал меня по аспирантуре, заведующий кафедрой Высшей школы милиции полковник Пирожков. Я приехал к нему, и он в итоге нашей беседы пригласил меня к себе на кафедру работать. Правда, квартирный вопрос мог решиться только в течение года, когда Высшая школа милиции окончательно будет преобразована в Академию, для чего требовались кадры, выделялись квартиры и т.д.

Предложение было очень заманчивым, но ждать и как-то перебиваться в Москве в ожидании квартиры уж очень не хотелось, вернее, уже не могло. Ведь и так четыре года в Москве, семья в Иркутске. Иняз, по-

славший меня в Москву, настойчиво рекомендовал вернуться; обещали квартиру и прочие перспективы. Я колебался, но семья была за возвращение домой, в Иркутск. Так что московский вариант не прошел, хотя, как выразился на праздновании моей успешной защиты профессор Коган Владимир Михайлович, «Вы должны быть столичным жителем». Это он к моим научным успехам, к знанию иностранных языков. А я вернулся в Иркутск, в иняз. Конечно, события в моей жизни могли развиваться совершенно по-другому. Жалею ли я сегодня, что не остался в Москве, не смотря на все трудности? И да, и нет.

От хронологии событий до их рефлексии

Московский период времени – 1967–1971 годы – прежде всего знаменателен тем, что за короткое время, максимум за два года (время стажировки), надо было освоить то, что обычно осваивает студент психологического факультета за пять лет. А я, как всегда, торопился, поскольку догонял, поэтому двухгодичный срок стажировки сократил до одного года. Кроме того, в это же время надо было не только стать психологом, но и определиться с научной тематикой, т.е. с темой диссертации, с научным руководителем. Я, как и многие другие стажеры и аспиранты, хотел попасть к М.С. Роговину, но это было непросто еще и по той причине, что он в этот момент сам готовился к защите докторской диссертации. Именно по этой причине меня вначале определили к Н.Ф. Добрынину, хотя я не собирался заниматься вниманием, а искал нечто иное. Но мне не были запрещены поиски чего-то другого, вне внимания, а затем, после защиты диссертации, на которой мне посчастливилось присутствовать, Михаил Семенович согласился быть моим еще одним (вторым) научным руководителем, против чего Николай Федорович не возражал. Так, что формально он как бы и оставался научным руководителем, но по существу им был именно Михаил Семенович Роговин. Так что, в отличие от других аспирантов, у меня было аж два научных руководителя.

Короче говоря, я был принят после года стажировки в аспирантуру, и пошла гонка за диссертацией. Не одни штаны были протерты в залах Ленинской библиотеки, да и в аспирантском общежитии на Б. Вокзальной, особенно по ночам, так как днем работать было в нем совершенно невозможно. С тихой завистью не один раз проходил я, и не только я, а большинство аспирантов и вообще начинающих ученых, мимо профессорско-

го зала, там было просторно и тихо, да и получали нужную литературу свободнее. Мечталось, а когда я смогу туда беспрепятственно войти и работать? Такое время пришло, но воспользовался я этим профессорским залом за более чем 20 лет, наверное, не более одного раза.

Трудно было не только часами сидеть, корпеть, конспектировать, но надо было это все напечатать на машинке. Пришлось выстоять тысячную очередь в магазине на Кузнецком мосту, чтобы приобрести заветную пишущую машинку «Э(в)рика» (производство ГДР). Но, пожалуй, еще труднее было найти испытуемых для своего исследования в Москве, в чужом городе, да еще нужна была серьезная аппаратура, например, электроэнцефалограф. А потом надо было все данные математико-статистическим аппаратом обработать, например, провести факторный анализ. А поскольку мы, стажеры и аспиранты, в большинстве своем были гуманитариями, не владели математико-статистическими методами, то пришлось вместе с научным руководителем, Михаилом Семеновичем, пройти соответствующий полугодовой курс обучения на факультете психологии МГУ.

Сегодняшним аспирантам такие трудности и в страшном сне не могут присниться. Но мы, и я в том числе, все их преодолели. А моими испытуемыми были взрослые (студенты) и школьники, например, члены кружка Юных космонавтов при Московском Дворце пионеров. Электроэнцефалографические исследования мне помог провести сотрудник лаборатории ЭЭГ Института усовершенствования врачей, действующей на базе Московской городской детской неврологической клиники им. Ф.Э. Держинского, А.В. Благодосклонов, которому я очень благодарен и сегодня. Так я закалялся и физически, и психически, и социально, и духовно (будущая биопсихосоциоэтическая модель в действии).

Как-то так у меня идет по жизни, что я всегда старался рассчитывать на свои силы. У моей мамы Юзи это называлось «Всрамся, но не здамся!». Вот так и я. В армии, когда командиры устраивали перекур (потом я тоже это делал) для солдатиков, подавляющее большинство их бросалось курить, а я бросался к спортивным снарядам или должен был чистоту в казарме или на плацу наводить. Но я выдержал, не закурил. В аспирантском общежитии в Москве в течение всего времени обучения стоял дым коромыслом и устойчивый запах кофе. Кофе употребляли аспиранты по-страшному. Я так и не запил, считал, что должен справиться своими силами. И не раз засыпал по ночам, уткнувшись носом в свою «Эврику», но кофе не пил. И сегодня я его очень редко пью.

Но, как говорится, сколько бы она ни тужилась, а родить все равно должна. Так и я, в конце концов, диссертацию «родил», получая время от времени консультации Михаил Семеновича, очень редко – Николая Федоровича. Иногда бывал у Николая Федоровича дома и с удивлением наблюдал, как профессор, ползая на коленях, возил на спине по квартире своего внука. Теперь и я то же самое делаю, только больше катаю детей, а не внуков. А консультации Михаила Семеновича чаще всего осуществлялись на ходу. Я приходил к нему на лекцию, а после лекции он, как правило, заходил в магазины за продуктами, а я – его хвостом – за ним и на ходу задавал вопросы, предлагал какие-то идеи и слушал, что на это скажет мой научный шеф. Так родились концептуальные положения акциональной структурно-уровневой модели фиксированных форм поведения.

Текст диссертации был написан фактически досрочно, в мае, хотя срок аспирантуры заканчивался в октябре. Правда, дальше все было так, как я уже выше рассказал.

Воспоминания о московском периоде жизни в целом, несомненно, положительные. Многому научился, встречал и общался с немалым числом замечательных ученых и людей. С некоторыми подружился. С хорошими ребятами пришлось жить в одной комнате, жили в целом дружно: с Женей Никиреевым (живет и сейчас в Москве, поэт, певун – «липецкий соловей»), Вадимом Сафиным из Стерлитамака, иногда перезваниваемся с ним (тот и другой – это из старшего поколения стажеров-аспирантов, так и не защитили докторские диссертации, но стали профессорами), Володей Бакеевым (еще до стажировки занимался в Смоленске гипнозом; защитил докторскую, стал профессором Академии МВД в Москве, куда меня несколько раньше приглашали, но, к сожалению, рано умер).

В силу обстоятельств и причин, о которых я уже рассказал выше, я вернулся после защиты диссертации в Иркутск, стал работать в своей Альма матер вначале старшим преподавателем, затем доцентом кафедры педагогики и психологии, набираться опыта преподавания психологии, думать о перспективах, планировать командировку в ФРГ, которая, к счастью, получилась, хотя и не без издержек семейных. Дело в том, что в 1973 году родился долгожданный и желанный второй сын – Владислав, а год спустя – тоже долгожданная и желанная командировка в Западную Германию. К тому же сын заболел. Как быть? Но об этом ниже.

1974–1977

Западная Германия и переезд на Украину

Вернувшись в Иркутск, я начал работать на кафедре педагогики и психологии вначале в качестве старшего преподавателя, затем доцента, подготовил и сдал в печать свою первую монографию по теме диссертации. И тут мне крупно повезло. Ректорат Иняза направил меня, по решению Минпроса СССР и приглашению Минобразования ФРГ в качестве *Gastlehrer* (приглашенного учителя) русского языка в гимназиях ФРГ, вначале в город Штутгарт, а затем в Ганновер. Хотя пришлось работать не в качестве психолога, но мне как профессиональному психологу, пребывание в ФРГ с августа 1974 по июль 1976 года дало тоже очень много; в то же время как психологу мне было легче справиться с функциями учителя и преподавателя русского языка. Дело в том, что мне пришлось преподавать русский язык вместе с русско-советской литературой не только гимназистам, но и выпускникам университетов (референдарам), которые пожелали после университета стать учителями русского языка. Кроме того, что я окунулся в совершенно новую социально-экономическую и культурную ситуацию, широкий и необычный круг общения, появилась возможность познакомиться непосредственно с оригинальной (не в переводах) мировой психологической литературой – в библиотеках, в книжных магазинах.

Я был в шоке, когда в первый раз оказался в Штутгарте в книжном магазине психологической литературы – только психология всех времен и со всего мира! Возможность, благодаря немецким коллегам, многое что отскерить. Только после работы и жизни в ФРГ я смог считать себя знатоком мировой психологии. Я не пожалел марок (до евро еще было далеко) на приобретение немалого числа психологической литературы, преимущественно карманных изданий и, конечно, художественной литературы на немецком языке.

Много моих стереотипов, да и у немцев, с которыми мне пришлось общаться, подверглось большому испытанию. Для меня было, например, удивительным, что цена на один и тот же товар разная в разных магазинах. Для немцев было удивительным видеть смеющегося русского, да еще из Сибири. Со многими немецкими коллегами я подружился. Правда, кэзэбисты потом интересовались, почему вокруг меня было так много немцев – коллег и не только. Провокаций в отношении меня не было, но, конечно, были вопросы некоторых немецких коллег, а не хотел бы я

остаться в ФРГ. Вопрос по тем временам понятный, поскольку всякого рода диссидентов и невозвращенцев было не так уж мало. Дело прошлое, но этот вопрос был не ко мне. И дело было не только в моем патриотизме. Мне нужно было оправдать оказанное доверие.

Правда, со стороны соответствующих органов доверие было ограниченным. Во-первых, старшего сына не разрешили брать с собой, во-вторых, кое-кто из посылаемых в качестве приглашенных учителей русского языка должен был информировать органы, кто как себя ведет за границей. Поэтому когда я двоих наших (коллег из Иркутска и Свердловска), работавших в это время в Кельне и Дюссельдорфе, пригласил в гости, то кто-то из них и сообщил куда надо, что вокруг Залевского что-то много народу, а был это Новый год и день моего рождения, и было это названо «русский вечер», на который были приглашены коллеги по гимназиям. В Штутгарте я вел русский язык в двух основных гимназиях, а также раз или два в неделю ездил в разные города земли Баден-Вюртемберг и давал разовые уроки русского языка. Такова была воля работодателя. В-третьих, меня пасли органы, в том числе и телефонным образом, с момента моего возвращения из ФРГ в 1976 году и до развала СССР. В-четвертых, с меня органы потребовали подробнейший отчет о пребывании в ФРГ, хотя на работу в ФРГ меня направляли не они, а Министерство просвещения СССР.

Что меня приятно потрясло, так это то, что когда нас с женой вызвали на собеседование в Москву в ЦК КПСС, то проводивший с нами беседу ориентировал нас «быть за границей самими собой». Без ложной скромности могу сказать, что мы с женой внесли большой вклад в процесс взаимопонимания между русскими и немцами (ФРГ), в разрушение отрицательных стереотипов друг о друге, даже в приобретение друзей Советского Союза, чем какие-то официальные органы и лица. Особенно важно было то, что мы общались со школьниками и студентами, т.е. с молодыми гражданами ФРГ.

И за время работы (1974–1975 учебный год) в гимназиях Штутгарта и в других школах и гимназиях Земли Баден-Вюртемберг (один раз в неделю у меня были уроки русского языка каждый раз в новой школе-гимназии) у меня складывались вполне нормальные и деловые, и человеческие отношения как с учениками, так и с учителями, в том числе и с директором Фанни-Ляйхт-гимназии – основного места моей работы, очень симпатичным человеком и лояльно относившимся к Советскому Союзу, по крайней мере, в моем лице. То же самое могу сказать и об учи-

телях русского языка Эльке Шмидт, Юлике Фуллендорф (да и ее муже Йорне) и некоторых других. Были хорошие отношения и с учителями, и с учениками гимназий и школ в Ганновере (1975–1976 учебный год), двумя основными, прежде всего – гимназии имени Гёте и школы Лангенхагена – район ганноверского аэропорта.

Долгое время мы поддерживали наши отношения, кое-кто приезжал в Иркутск, пока мы там жили, была почтовая связь. Например, писали мне ученики моего бывшего 7-го класса из Фани Ляйхт-гимназии. Очень приятно было получить такое письмо – приведу только его начало: «Lieber Herr Залевский! Ich uebe gerade Russisch, da wir morgen eine Arbeit schreiben. In Russisch haben wir jetzt eine neue Lehrerin, doch Sie waren viel besser. (Дорогой господин Залевский! Я как раз учу русский, поскольку завтра мы будем писать (контрольную) работу. У нас теперь новая учительница русского языка, но Вы были намного лучше.) ...Валя». Все ученики этого класса выбрали для себя, когда я учил их русскому языку, русское имя.

От хронологии событий к их рефлексии

Командировка в Западную Германию (ФРГ) была очень знаменательным событием в моей жизни, да и в жизни всей моей семьи. Правда, она чуть не сорвалась из-за груза (а груз – это книги на русском языке, и их было много, поскольку я должен был преподавать русский язык в немецких школах и гимназиях, не зная, в каких классах, да и вообще, что преподавать – язык, литературу либо то и другое вместе; а поэтому набрал всего более, чем крупнейшую коробку, за которую – за превышение дозволенного веса – при регистрации потребовали доплатить крупную сумму, которой я, разумеется, не располагал, думая по наивности и неопытности, что об этом позаботился Минпрос, все будет включено в билеты и соответствующие документы). Короче говоря, в тот день мы не улетели. Вот где были переживания – а вдруг совсем не случится улететь? Ситуация для меня была явно стрессовой. На следующий день в Минпросе все решилось положительно, правда, не без скандала. Но мы, все-таки, улетели в эту самую ФРГ.

Надо ж понимать, почему мы так хотели туда попасть. Это ведь был вопрос не только удовлетворения познавательного интереса, но и языка – для меня и для жены (преподавателя немецкого языка в инязе), это был вопрос профессионального роста, но это также был вопрос и материаль-

ный, и очень большой вопрос. Тот из коллег иркутских, кто побывал в такой командировке в ФРГ, значительно поправил свое материальное положение, включая приобретение автомобиля и т.д.

И вот два часа лета – и мы во Франкфурте-на-Майне (во Франкфурте-на-Одере я уже в свое время был), в другом мире. И начался экзамен нашей языковой подготовки. Оказалось, что то, что мы знали и умели, только напоминает владение немецким языком. И это стало ясно уже на железнодорожном вокзале Франкфурта. Ведь место моего назначения был Штутгарт, до которого надо было добираться поездом. А как это сделать, если не знаешь расписания и многое, чего еще нужно для этого. Никто нас во Франкфурте не встречал, только в Штутгарте. Увидели, что ходит человек, на фуражке которого написано Informationsman (дающий информацию). Я к нему подходил трижды и спрашивал, как уехать в Штутгарт, он мне отвечал, третий раз почти что матом (так мне казалось, согласно русскому обычаю, когда встречаются с идиотами), но я так ничего и не понял – он отвечал быстро, да еще с привкусом диалекта, а я, вроде не негр и не китаец, но почему-то его не понимаю. У него, конечно, была причина сердиться на меня.

Короче говоря, я начал изучать расписание поездов в сторону Штутгарта, нашел что-то подходящее, позвонил в Штутгарт. Мы благополучно доехали, нас встретил завхоз школы, мужчина маленького роста, но на большой машине, и привез в Фани Ляйхт-гимназию, где мы познакомились с директрисой и узнали, что нам фактически самим надо подыскивать жилье. Правда, в этом могут помочь немецкие учителя русского языка. И, действительно, нам помогли они – это была, кажется, Эльке Шмидт, великолепно говорящая на русском языке, бывавшая уже в СССР. Мы нашли квартиру в деревне под Штутгартом, 15 мин от дома до трамвая, а затем несколько остановок до школы. Это была подходящая по цене квартирка под крышей, однокомнатная, с миникухней и туалетом. Хозяйкой была Фрау Ветцель, беженка из Прибалтийских немцев. Оказалось, кстати, что найти квартиру в ФРГ, особенно в отдаленных от больших городов местах, труднее всего русскому (советскому) и негру. С отказом по этому признаку мы тоже сталкивались. Но Фрау Ветцель была вполне лояльна, достаточно гостеприимна и словоохотлива. Прожили мы у нее не очень долго и сняли более нормальную квартиру и поближе к гимназии, к которой уже можно было идти пешком.

Пока мы квартировали у Фрау Ветцель, можно сказать, подружились со стажером-учителем русского языка из моей гимназии Юликой Фул-

лендорф, которая с мужем, юристом, жила в соседнем доме. Это нам здорово помогло в адаптации на начальном этапе проживания в Штутгарте, а ей помогло в лучшем усвоении русского языка, благодаря частому общению. Жизнь в ФРГ – и в Штутгарте, и затем в Ганновере – дала возможность нам не только «заговорить» по-немецки по настоящему, но и сломать немало стереотипов, как своих, так и немцев, с которыми мы общались. Проблеме стереотипов разного рода и плана, которые проявляли себя в фиксированных формах поведения с обеих сторон, я посвятил ряд своих работ.

Пребывание в ФРГ, работа и возможность видеть все своими глазами, и положительное, и отрицательное в «буржуазной» действительности, много дали для понимания жизни, так сказать, *haben und trueben* (там и здесь). И надо признаться, что после всего этого жить в нашей «буче, боевой, кипучей» (по Маяковскому) стало и легче, и тяжелей.

Командировка в ФРГ дала возможность познакомиться очень близко со страной, людьми, их жизнью, культурой и нравами, диалектами и географией. Я приобрел полное собрание сочинений серии «*Deutschland, deine, Schwaben* (Штутгарт – это столица страны швабов *Baden-Wuerttemberg*), *Bayern...* и др.». Нам повезло в Ганновере с хозяевами квартиры (Эльвинги), которую мы сняли сразу по приезде в августе 1975 года и в которой прожили до июля 1976 года. Хорошие отношения мы поддерживали многие годы, вплоть до последнего времени, бывали раза два (и Владислав раз) у них в гостях, кстати, однажды с В.Я. Семке, который в каких-то старых немецких справочниках, которые ему дали посмотреть Эльвинги, нашел своих предков.

Мы много путешествовали, чаще всего на машинах школьных коллег, объездили ФРГ от Любека (родины Томаса и Генриха Маннов) до Констанца, города на юге ФРГ, через который проходит граница со Швейцарией, в которой мы побывали много лет спустя, благодаря Петеру Шюлеру. И тогда коллеги по школе предлагали махнуть на выходные за пределы ФРГ, например во Францию. На что я отвечал (поскольку мне это делать нельзя было из-за визовых ограничений, можно было нарваться на международный скандал), мол, нет спасибо, мы хотели бы еще побольше увидеть вашу страну. Кстати, во Франции – и в ее столице – Париже, и на юге – на границе со Швейцарией – мне удалось побывать не так давно. Много раз пришлось бывать и в Бонне, тогдашней столице ФРГ, куда приглашало наше посольство всех работающих в ФРГ советских граждан. Там в спецзале, защищенном от прослушивания, с нами беседовали

работники посольства, чаще всего сам посол В.П. Фалин. Но, как мы все понимали, главная цель приглашения – это плата (часть от нашего заработка в ФРГ) в благодарность за то, что нам позволили работать за границей. Таксы не было, но жадничать было чревато последствиями.

Но все хорошее, как известно, когда-нибудь кончается. С продлением контракта с ФРГ не получилось, в августе 1976 года мы вернулись в Иркутск, полные впечатлений, с большим количеством книг по психологии и не только, укрепившиеся профессионально во всех отношениях, а также материально, с большими планами и надеждами.

1977–1982

Расставание с Иркутском и переезд на Украину в Тернополь

С сентября 1976 года я приступил к работе в Иркутском педагогическом институте иностранных языков им. Хо Ши Мина в качестве доцента кафедры педагогики и психологии. В это время вышла из печати моя первая монография «Фиксированные формы поведения» (Восточно-Сибирское книжное изд-во). Честно признаюсь, я был на подъеме, строил планы дальнейшей научной работы – докторской диссертации, развития психологии в Иркутске. В общем, планов было громадье. Однако в стенах иняза эти планы реализовать было достаточно трудно, хотя и возможно. Но тут меня стали настойчиво приглашать в Иркутский пединститут на заведование кафедрой психологии. Да, это был шанс действительно реализовать планы по развитию психологии в Иркутске и не только. Такая возможность была более реальной для заведующего кафедрой психологии в более солидном вузе с большими возможностями. Дело в том, что заведующий этой кафедрой профессор В.Г. Асеев, кстати, первый доктор психологических наук в Сибири, собрался в Москву на работу, но чтобы ректорат его отпустил, нужна была подходящая замена; определили, что таковой могу быть я. Ректорат иняза не хотел меня отпускать, но в этот момент произошла смена ректоров, и новый ректор не стала особенно вникать в ситуацию.

После долгих раздумий, я дал согласие и перешел по приказу, а не по избранию по конкурсу. Это была ошибка, как оказалось месяц спустя. А месяц спустя Асеев вернулся в Иркутск, что-то у него в Москве не срослось, и предложил мне освободить место завкафедры и лучше всего вернуться назад в иняз. Создалась, я не сказал бы, что интересная, психо-

логическая конфликтная ситуация между психологами. Разумеется, в мои планы не входило отдавать кафедру, тем более возвращаться назад в иняз, к тому же такие на тот период проректоры иняза, как Серебрянников и Дюндик, моего возвращения не хотели, видя во мне конкурента. Короче, подавляющее большинство членов кафедры психологии пединститута было за то, чтобы я оставался заведующим, так как они с этим связывали какие-то свои перспективы роста. Дело в том, что Асеев всегда был великим эгоистом, он защитил докторскую, а на остальных, на психологию и на ее развитие ему было наплевать. Это понимали члены кафедры, особенно более молодое поколение.

Понимал это и ректор Буровихин, но он в этот момент тоже собрался смыться из Иркутска в Москву или куда-то в ту сторону. А для партийных органов Иркутска это было уже слишком – то просто профессора смываются, то сам ректор намылил лыжи. И поэтому Буровихин всеми силами старался задержать профессора Асеева как некий аргумент, чтобы самому оставить Иркутский пединститут. Доцент Залевский ему был менее интересен в этой ситуации. И он стал поддерживать Асеева в его претензиях на заведование кафедрой. Ситуацию разбирал партком пединститута, который принял «соломоново решение» – ни Асееву, ни Залевскому не подавать на конкурс на заведование кафедрой, пусть будет третье нейтральное лицо. Справедливости в этом решении было, конечно, мало.

Я мог остаться в пединституте в качестве доцента кафедры либо вернуться в иняз в той же должности. Но я выбрал третий путь – уехал из Иркутска на Украину, хотел в Винницу, на родину, но не было там на то время места, прошел по конкурсу на заведование кафедрой педагогики и психологии в Тернопольском пединституте. Конечно, Асеев в отношении меня поступил как последняя сволочь. Через много лет мы оказались в одном диссертационном совете в Новосибирске, так он все извинялся за прошлое, все пытался мне, профессору, член-корреспонденту РАО, мелко услужить – пальто помочь одеть, портфельчик подать и т.п.

Правда, я тяжело расставался с Иркутском, поскольку считал и считаю его и сейчас своей второй малой родиной, ведь там прошла моя студенческая молодость, активная, интересная, многообразная. Там я прошел путь от ассистента до доцента, там женился и там же родились два моих сына – Олег и Владислав. Там Байкал, который я полюбил, много к нему и вокруг него походил. В составе бригады ученых проводил научное исследование коллектива знаменитой Братской ГЭС с целью составления плана ее разви-

тия, за что был удостоен звания «Почетный строитель Братской ГЭС». Там я, можно сказать, был дома, был своим человеком.

Тернополь – симпатичный городок западноевропейского стиля. Зеленый, а посередине города довольно большое озеро, по которому даже прогулочный кораблик ходил. Правда, с Тернополем и с Тернопольским пединститутом я не связывал свое будущее. Все там дышало западным духом. Мне даже иногда намекали, чтобы я перешел при чтении лекций на украинский язык. Но я слишком долго жил в России, учился, женился, дети в России родились, работал, чтобы опять становиться «щырым украинцем». Да и всего, что я достиг на то время, мне дала Россия, а не нэнька-Украина. Да и моим братьям и сестре тоже.

В Тернополе я отпраздновал свое 40-летие. Когда перешагнул 40-летний рубеж, то задумался, а что дальше? Надо было, конечно, заняться докторской диссертацией. Ездил в Москву на стажировку, стажировался на факультете психологии МГУ на кафедре Владимира Петровича Зинченко, советовался с Михаил Семеновичем Роговиным.

Развивать тему психической ригидности и фиксированных форм поведения вряд ли было перспективным на материале нормы, тогда я оказался бы на территории социальной психологии, а это уже было бы небезопасно в условиях авторитарного правления, одной идеологии, жестких стереотипов и т.д. А с другой стороны, я довольно далеко залез в эту проблему в рамках кандидатской диссертации, и это теперь создавало некоторые трудности: с чего начать и чем продолжить в докторской. В это время мне предложили через Михаила Семеновича при поддержке академика А.В. Снежневского вернуться в Сибирь, но теперь в Томск, где с 1981 года начали открываться научно-исследовательские институты АМН СССР, в том числе Институт психического здоровья, в котором предполагалось открытие лаборатории патопсихологии. Предложили заняться этой лабораторией, единственной от Урала до Дальнего Востока. Меня пригласили в Москву на встречу с генеральным директором новых НИИ (кардиологического, онкологического, фармакологического, генетического и психического здоровья) Анатолием Ивановичем Потаповым. Он предложил мне приехать в Томск, посмотреть поближе.

Я приехал в конце 1981 года в Томск посмотреть и попал на открытие Института генетики, где познакомился с президентом АМН СССР Блохиным и секретарем обкома КПСС Лигачевым. Побывал, конечно, в только что открытом Институте психического здоровья, познакомился с некоторыми будущими коллегами. Институт располагался в красивом Сосновом бору на

территории Областной психиатрической больницы. Перспективы и возможности научно-исследовательской деятельности и, конечно, написания докторской диссертации меня прихватили здорово. Я должен был начинать с нуля – поиск кадров, определение тематики лаборатории и т.д. Короче говоря, перспективы были заманчивые.

От хронологии событий до их рефлексии

Вернувшись в Тернополь, не скоро решился переезжать опять в Сибирь, в Томск. Хотя Сибирь мне была хорошо знакома и не пугала, но... А тут еще одно предложение поступило – пригласили в маленький южноукраинский городок Мелитополь в местный пединститут. Годом раньше туда из Тернопольского пединститута переехала семья, с которой мы подружились в Тернополе. Город вблизи двух морей – Черного и Азовского, зеленый и плодово-ягодный, квартира на территории яблочного садоводства. Прямо рай!

И вот я встал перед выбором почти что в позицию известного философа Буриданова осла... На что решиться? Мелитополь – это, конечно, последняя остановка моего жизненного маршрута, вряд ли с ним могут быть связаны какие-то серьезные перспективы, в том числе и научные. Но зато юг, море, фрукты, спокойная жизнь до старости и для детей хорошо. Грядущие политические перемены, развал СССР еще и в страшном сне не снились.

Выбираю Томск – это опять Сибирь, далеко от теплых морей, но можно и приехать на них, пусть на короткое время, отдыхать. Или вообще когда-нибудь вернуться в теплые края. Но зато лаборатория, научно-исследовательская работа, которая меня всегда привлекала даже больше, чем чисто преподавательская. Перспективы написания докторской диссертации очень ярко обрисовались. После долгих и тяжелых размышлений, бессонных ночей (повторилась почти иркутская ситуация, переживания) был выбран томский вариант. Дашь Сибирь!

1982–1999

Томск – от НИИ психического здоровья ТНЦ СО АМН СССР, Института образования СДВиС РАО до Томского госуниверситета

В конце января 1982 года, почти что в ночь под Новый год, я прилетел в Томск, пока один, квартиру обещали вскорости дать. Месяца через два

квартира была. Неплохая по тем временам трехкомнатная квартира в хорошем месте, в районе Лагерного сада. Это обещание было выполнено. Но вот обещание содействовать укомплектованию лаборатории профессиональными психологами выполнено не было. Более того, меня поставили в такие условия, что впору было бросать все и уезжать из Томска. Дело в том, что в сотрудники лаборатории мне предложили брать «людей с улицы», в лучшем случае это были так называемые патопсихологи из психиатрической больницы. Я говорю так называемые, поскольку это были вчерашние выпускники Томского пединститута или университета – филологи, историки и т.д. Я и на это был согласен, но нужны были хотя бы 2–3 профессиональных психолога, чтобы лаборатория смогла отвечать своему назначению. Из Москвы, разумеется, никто в Томск не спешил, да и выпускал факультет психологии МГУ очень мало патопсихологов. Кто-то подсчитал, что при выпуске 25 патопсихологов в год потребность в них в СССР могла быть удовлетворена лишь через 50 лет. А мне в лабораторию нужны были специалисты уже сейчас. Так вот, я договорился с Минпросом РСФСР, Факультетом психологии Ярославского университета при содействии опять же профессора М.С. Роговина, который поднимал этот факультет по приглашению тогда молодого начинающего декана доцента Шадрикова, кстати, приглашавшего и меня после защиты, когда Михаил Семенович ездил решать вопрос с Шадриковым и взял меня с собой, о распределении в Томск хороших ребят психологов.

И в Томск приехали два парня – выпускники с красными дипломами – Логинов Владимир и Морогин Владимир. У Логинова и жена оказалась выпускницей того же факультета, т.е. даже три профессиональных психолога приехали ко мне в лабораторию работать.

Теперь можно было бы говорить, что это будет настоящее научно-исследовательское подразделение НИИ психического здоровья. Но не тут-то было. Когда я с Логиновым и Морогинным пришел к генеральному директору Потапову, который мне много чего обещал в (свое время в Москве, когда приглашал в Томск), и сказал ему: вот смотрите, по моей просьбе нам в лабораторию распределили замечательных выпускников-психологов с красными дипломами, парней. Теперь вопрос жилья надо решить, как вы мне и обещали, а я им пообещал. Правда, они успели пожениться и приехали вместе с женами. Значит, намерения у них серьезные. На что Потапов при ребятах и ребятам заявил, что «Залевский вас обманул, никакого жилья не будет, никто его в Томске не знает, и он никого не знает. И до свидания!». Можно себе представить мое потрясение,

когда Потапов не только отказался от своих слов и обещаний, но еще в такой хамской форме это сделал. Он выставил меня этакой сволочью, обманувшей ребят, приехавших с семьями, с надеждой на хорошую и перспективную работу; в Ярославле немало хорошего говорил их профессор о Залевском, настоятельно рекомендовал ехать в Томск. И вот на тебе, он оказывается просто обманщик.

Мне пришлось знакомиться с Томском и Томск знакомить с собой. Никто не помог мне в этом вопросе, ни директор Института В.Я. Семке, ни горком партии в лице Кречетовой, к которой я обращался, она тогда была одним из секретарей горкома партии, ни генеральный директор Томскнефти, который имел в своем распоряжении семейные общежития. Я полгода своей жизни вместо того, чтобы заниматься исследованиями, в том числе по своей докторской, занимался устройством жилья для приглашенных из Ярославля психологов. Я нашел все-таки лазейку в руководстве все той же Томскнефти и получил две отдельные комнаты в семейном общежитии. Это мне дорого досталось.

Однако лаборатория была укомплектована, и началась разработка ее тематики, которую должен был утвердить ученый совет НИИ психического здоровья. Я предложил выбрать направление, обозначенное как «Психология личности в норме и патологии», а в пределах этого широкого направления – одну из базовых тем: «Психическая ригидность в норме и патологии» (фиксированные формы поведения в контексте психиатрической клиники). Конечно, я предложил то, что не просто знал, понимал и что очень отражало идеи моей будущей докторской диссертации, но что было актуально как для психологии, так и для психопатологии. У меня на обсуждении предложенной тематики сложилось впечатление, что томские психиатры (клиник НИИ ПЗ и психбольницы) свой журнал, т.е. «Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова», не читают, поскольку было высказано мнение, что «о психическую ригидность психиатрия не спотыкается». Хотя я вел речь не только о психической ригидности.

Психиатры – члены ученого совета хотели заблокировать предлагаемую мной тематику. А Семке, на поддержку которого я рассчитывал, меня не поддержал, а оказался заодно с Красицом и другими. С того момента и началась наша «закрытая дружба». Тем не менее проблематика лаборатории была утверждена. Вскоре мои сотрудники начали защищать кандидатские диссертации. В.Г. Морогин защищал диссертацию в диссертационном совете факультета психологии МГУ, И.Я. Стоянова и

Е.А. Рождественская – в диссертационном совете НИИ психоневрологии им. В.М. Бехтерева в Ленинграде. И в самые трудные годы – конец 80-х – там же и я защитил докторскую диссертацию. Диссертационного совета по психологическим наукам в то время в Томске еще не было, первый диссертационный совет по психологии я организовал в 1996 году на базе Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО будучи его директором.

Я стал директором этого института в 1993 году и был им до 1999 года. Это были, как известно, тяжелые во всех отношениях годы. Тем не менее я добился от Академии финансирования на окончание строительства помещений для института, но, к сожалению, на территории строящегося здания пединститута, создал команду психологов и педагогов, организовал диссертационный совет по психологии и педагогике для подготовки кадров, основал первый на пространстве от Урала до Дальнего Востока профессиональный психологический журнал «Сибирский психологический журнал» (1995), по моей инициативе и с помощью моих кадров, моих учеников и коллег, был открыт в Томском пединституте первый факультет психологии, до этого была организована подготовка психологов, в том числе и клинических психологов, при сотрудничестве с факультетом психологии Санкт-Петербургского университета, проводились Сибирские педагогические чтения, на которых впервые в Томске пошла речь об инновациях в образовании и их связи с традициями.

Много было планов по развитию психологии и образования, психологического образования на базе НИИ образования СДВиС РАО, но не было дано им сбыться. Вначале по вине тогдашнего ректора пединститута В.И. Слободского, к сожалению, алкоголизирующегося и не выполняющего своих обязательств, при активном участии тогдашнего проректора по науке (ныне ректора) В.В. Обухова, в том числе и перед моим институтом по части строительства, а также профессора М.П. Пальянова, 7 лет не интересовавшегося, как дела у института, но вдруг воспылавшего к нему любовью (захотел стать его директором). И это желание не попытался открыто и честно выразить, а стал собирать компромат на меня как на директора института, подкупая некоторых моих сотрудников, чтобы они писали всякую гадость обо мне в Президиум Академии, организовывал ночные воровские вылазки в здание института, подкупив завхоза, и т.д., и т.п. Он попытался воспользоваться тем, что у меня не сложились в свое время отношения с президентом РАО Никандровым, поскольку я при выборах президента академии выступал не за него, а за Петровского.

Он оказался злопамятным человеком и личностью вряд ли крупного масштаба, мягко выражаясь. У меня был заключен контракт с РАО на 3 года работы в качестве директора института. Но я не захотел иметь дело со всем этим дерьмом и подал заявление об освобождении меня от директорства. Я ушел в конце 1998 года со всей своей командой в Томский государственный университет на факультет психологии. Это пришлось сделать еще и потому, что ректор пединститута Слободской и проректор по науке Обухов стали всячески вторгаться в работу психологического факультета, мешать работать и декану, моему ученику Э.В. Галажинскому, и мне как заведующему кафедрой на факультете. Я благодарен ректору Томского госуниверситета профессору Г.В. Майеру, который меня и мою команду принял в свой коллектив.

От хронологии событий до их рефлексии

В самые лихие 90-е годы (1993–1998) мне пришлось быть директором Научно-исследовательского института Российской академии образования, который из института развития школ был переименован в Институт образования Сибири, Дальнего Востока и Севера. Это уже после того, как я стал членом-корреспондентом РАО. На идею стать директором института натолкнул меня ныне покойный Валерий Александрович Дмитриенко, профессор, тоже к тому времени член-корр. РАО, а также заместитель директора (в то время В.П. Пальянова) того же института. Институт был на краю, так сказать, финансирование убудочное, да и у Пальянова были другие интересы за пределами Института, бизнес, в частности торговля лесом и т.п. Когда я стал директором, еще некоторое время поступали звонки со всех краев с вопросами, а где же лес? Так, вот Пальянов совершенно добровольно и спокойно оставил мне институт, который не имел своей территории, а располагался на четвертом этаже здания, принадлежавшего ТГПИ на ул. Герцена. Кадры разбежались, да и автор идеи В.А. Дмитриенко тоже нашел лучшее место и ушел. Пришлось не только переименовывать Институт, но и все начинать фактически с нуля.

Я решился на директорство, рассчитывая на поддержку Президента РАО А.В. Петровского, о добрых отношениях с которым писал выше. И вначале поддержка была. Несмотря на все финансовые трудности, Академия выделила Институту 27 миллионов рублей на продолжение строительства собственного помещения, но, к сожалению, опять же как часть территории (2 этажа) пристройки к главному корпусу ТГПИ.

К сожалению, ситуация, которая сложилась в ректорате пединститута, привела к непомерному затягиванию стройки, а в перспективе – к значительному урезанию территории моего института. Я собирал и растил кадры, открыл первый диссертационный совет на базе института, основал «Сибирский психологический журнал», а со строительством корпуса института все было не ясно. На этой почве начали портиться наши отношения с ректором В.И. Слободским, вообще-то хорошим человеком, имевшим слабость, которая погубила не одного хорошего человека. Я его предупреждал, что увлечение алкоголем старались поддержать многие из его окружения, в том числе и проректор по науке Обухов. Я Виктору Ивановичу говорил, что доведут его друзья до беды, но, как и всякий сильно алкоголизирующийся человек, он отмахивался.

Профессор Т.А. Костюкова, которая, в конце-концов тоже ушла из пединститута в ТГУ, рассказала мне печальную историю, свидетельницей которой она была. Как-то в пединститут пришла иностранная делегация (вроде, американцы). Как говорится, гостей угощали хорошо. После того, как выпили и ректор уже был в определенном состоянии, Обухов спросил у гостей, может ли кто-то из них целый стакан водки выпить, не держа его руками. А вот Виктор Иванович может. И Виктор Иванович, конечно, постарался. Последствия – самые неприглядные.

Вскоре после этого Обухов собрал инициативную группу, которая решила, что такой ректор им не нужен. А кто нужен? Обухов, конечно. И Слободского сначала освободили от должности ректора, а затем фактически выперли из пединститута. К сожалению, все эти события и вконец испорченное здоровье привели к быстрой кончине Виктора Ивановича.

Помочь Слободскому, может, и путем жестких мер, посоветовать уйти в творческий отпуск, заняться докторской, ведь он был только кандидатом на то время, могли вышестоящие инстанции, люди близкие, коллеги и друзья. Например, тот же Л.Ф. Пичурин, его учитель, имевший на него большое влияние. Но нет, наблюдали, как он скатывался в пропасть, а кое-кто этому способствовал; не подали руку помощи. И человек погиб еще в расцвете сил. Нет им прощения!

Я ушел из пединститута, а со мной ушли большинство сотрудников кафедры психологии, хотя, конечно, было жаль оставлять то, на что потрачены усилия и время – первый в Томске факультет психологии, кафедру и студентов.

1999–2002

Переход в ТГУ – первый период

В Томский госуниверситет я пришел с командой энергичных и перспективных психологов и педагогов. И они уж постарались. Как однажды выразился экс-декан факультета профессор В.И. Кабрин, факультет был раньше хижинкой, заимкой, а с приходом Генриха стал цитаделью. Да, действительно, психологический факультет ТГУ сегодня – это мощное подразделение университета, занимающее передовые позиции среди факультетов психологии вузов от Урала до Дальнего Востока, а также входящее, наверное, без ложной скромности, в пятерку ведущих факультетов психологии России. Например, на факультете была одна кафедра, стало семь, был один профессор, а сейчас 15, в том числе члены государственных академий; выпуск был по одной специальности, а сейчас по 5, не было ни одного диссовета, а теперь два по 4 специальностям, есть свой специализированный ваковский журнал и т.д. Развиваются международные связи, немало выигранных грантов и т.п. Само собой разумеется, что это заслуга не только Залевского, но и всех, кто пришел с ним в университет, а также тех, кто уже работал до нашего прихода на факультете, а также тех, кто пришел или был приглашен работать на факультет, это и томичи, и коллеги из дальних краев, как, например, профессора В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева и другие.

От хронологии событий до их рефлексии

Годы работы на факультете психологии ТГУ (1999–2002) – это и продолжение начатого еще в НИИ психического здоровья, продолженного и после него: «ковка» кадров, а для этого: открытие новой кафедры генетической и клинической психологии, специальности «клиническая психология», двух докторских диссертационных советов, в том числе и по медицинской психологии и психологии развития, продолжение выпуска «Сибирского психологического журнала» – на сегодняшний день это уже 46 номеров, в этом юбилейном году (2013) их будет 50! Неплохое собрание сочинений?!

Это продуктивное время не только в организационном плане, но и в научно-исследовательском – немало написано: и монографии и статьи, а также ряд учебных пособий – особая моя гордость, в том числе

и достаточно оригинальных. К этому периоду следует отнести и процесс моего саморазвития (самоактуализации) как исследователя, ученого: от экспериментального исследования – к теоретико-методологическому осмыслению проблем психологи человека и к психологической практике и супервизии, объединенных преподавательской деятельностью. Интегрирующим фактором в этом процессе всегда были научная консультация и научное руководство диссертационными проектами. В это же время повышению моей профессиональной квалификации служило участие в разного рода и уровня научных мероприятиях, школах, конференциях, конгрессах, коих было немало. Немало было интересных встреч, знакомств, завязывались деловые и дружеские отношения.

Так, например, в начале 90-х годов прошлого столетия состоялось знакомство со Штефаном Митлафом из Касселя (ФРГ), которое затем продолжилось целой цепочкой знакомств – с Петером Шюлером, Генрихом Кунце, Эльмаром Хевером, Манфредом Бауэром, а затем и с их семьями, благодаря встречным поездкам – нашим в ФРГ (Кассель, Оффенбах, Штутгарт) и их в Россию (Томск, Барнаул – Белокуриха, Горно-Алтайск, Иркутск, Улан-Удэ, Владивосток). Дружеские отношения с немецкими коллегами сохранились до сего дня. Кстати, именно благодаря психологам-психотерапевтам Петеру Шюлеру и Эльмару Хеверу я тоже, в конце концов, стал когнитивно-поведенческим терапевтом (консультантом) и психологическим супервизором. Вместе мы организовывали семинары-тренинги по всей Сибири и в Забайкалье. А начинали в начале XXI столетия на Алтае, в Белокурихе, благодаря главному врачу санатория «Россия» и замечательному человеку, а теперь и другу, Александру Викторовичу Суховершину. Кстати, где-то в то время именно в Белокурихе произошли первые, еще невинные, встречи и знакомство с будущей женой Юлей.

Что касается интересных событий, связанных с Конгрессами за рубежом, то хочется вспомнить хотя бы два из них: Международный конгресс по психиатрии в Касселе (1991 год, первая поездка в Кассель по приглашению Штефана Митлафа, но не последняя, их будет еще много; что интересно, ровно 30 лет назад, в 1961 году, перед моей демобилизации из армии Берлинскую стену построили, а теперь, когда я оказался в ФРГ, ее ломали) «Психически больных – в коммуны», а также Всемирный Конгресс по социальной психиатрии, который состоялся в 1994 году в Гамбурге (Германия).

Что касается Конгресса в Касселе, то грандиозной была сама идея вывести психически больных за пределы психиатрических больниц и приблизить к обществу (коммуне, общине), дать им возможность жить ближе к людям, вне больниц, вне больничной изоляции. Это движение возникло еще в 60-е годы в США, а затем перекинулось в Европу, что стимулировалось студенческими волнениями, борьбой за права человека, в том числе человека с нарушенной психикой, появлением антипсихиатрического (против биологической психиатрии) движения в пределах самой психиатрии. Эти волны докатились и до России, правда, лишь к 2000 году, но своеобразно – больные остались в психиатрических больницах, а в коммуну, т.е. в народ, пошли психиатры в качестве психотерапевтов, консультантов, психологов и т.п. Даже в Монголии, которую я посетил вместе с моими немецкими коллегами психиатрами и психологами с целью участия в Международной конференции, посвященной проблемам здоровья (Улан-Батор, 2010), идея «больных – в коммуну» реализована с учетом национальной специфики: на территории большой психиатрической больницы отведено место для юрточного городка, где живут и сами себя обслуживают психически больные люди.

Всемирный Конгресс по социальной психиатрии был интересен, во-первых, тем, что был не просто по психиатрии, а по социальной психиатрии, во-вторых, тем, что на нем был организован симпозиум «О злоупотреблениях в психиатрии в Советском Союзе» и вести его Оргкомитет Конгресса поручил мне – клиническому психологу, а не психиатру. Я в то время еще руководил лабораторией в НИИ психического здоровья ТНЦ СО АМН СССР (РАМН). Поскольку Советский Союз в связи со злоупотреблениями в психиатрии к тому времени ругали много и со всех сторон, то я решил акцентировать внимание не на системе (режиме), а на личности – личности психиатра, психолога, которая выступала в данном случае послушным орудием системы – советской или гитлеровской. Я напомнил участникам симпозиума об эвтаназии во времена фашистской Германии – уничтожении психически больных людей не только когда режим еще стоял, но даже когда он уже агонизировал, а психически больных все еще вели в газовые камеры! Далекое не все меня поняли. Режим, систему легче ругать, чем брать на себя ответственность за происходившее. Это к вопросу о том, является человек системой или не является. Несомненно, те люди, которые злоупотребляли психиатрией или вели психически больных в газовые камеры, являлись

не только людьми – элементами системы, но и были по своей сущности системами. В отличие от людей, которые сопротивлялись, боролись с системой, элементами которой система пыталась их сделать, а тем самым и с системой в себе самих.

2002–2013

ТГУ и семейные трансформации

Эпоху, которую можно обозначить как «университетская», я бы разделил на два временных периода или даже подэпохи. Одна подэпоха – с момента прихода в ТГУ до 2002 года и другая – с 2002 года и по настоящее время. Это разделение одной эпохи связано, скорее, с семейными делами, изменениями в семейной жизни, с разводом и созданием новой семьи, рождением детей в новом браке – сына Артема в 2002 году и дочери Яны-Юзефы в 2012 году. С будущей женой (второй брак) я познакомился на Алтае; Юля, так ее зовут, родом из Бийска – это приблизительно в 120 км южнее Барнаула. Там она работала психологом в местной больнице, захотела заняться наукой, т.е. писать диссертацию, что и привело ее ко мне вначале в качестве стажера по моей кафедре в Томске, а затем и аспирантки. Ну, а дальше все случилось, как случилось – в результате «умелого» научного руководства, как известно, бывают и дети. Так получилось и в результате наших близких отношений. Ну, а затем и до развода дошло, образовалась новая семья, девять лет мы жили в гражданском браке, а затем устроили свадьбу-венчельбу, родили тут же дочурку. И теперь у нас большая семья! А если учесть двух моих сыновей от первого брака, то я и «молодой» папа, и многодетный отец – четыре ребенка! Иногда, шутя, я обещаю, что я постарался выполнить некоторую миссию, переданную мне моими родителями – родить не менее четырех детей, поскольку в родительской семье нас было как раз четверо – одна дочь, правда, самая старшая, и три сына. Я, кстати, самый младший. Поэтому меня считали «поскребышем». Поскольку у моих старших братьев и сестры было один-два ребенка, то мне – поскребышу – пришлось напрячься и довести их число до четырех.

Здесь я хотел бы сделать переход от просто моих воспоминаний к научно-популярным размышлениям о том, что такое разновозрастные браки, а разница у нас с женой на данный момент 34,5 года, и какие пси-

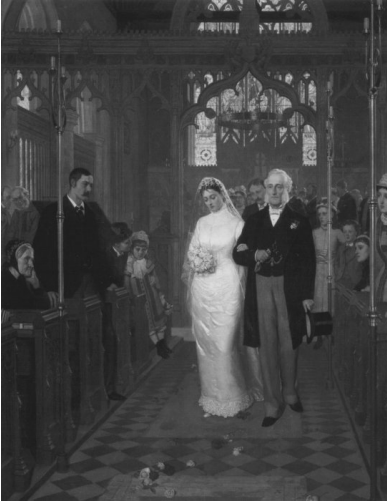
хологические проблемы имеют место в таких случаях. Кстати, эти размышления – это наши совместные с женой размышления, о которых мы поведали миру, напечатав их в одном научном («Сибирский психологический журнал». 2012. № 43) и в одном популярном журнале («Персона». 2011. № 12; 2012. № 1).

А вместо рефлексии ряда важных событий этого периода моей жизни и жизни моей семьи я хочу привести статьи с размышлениями относительно событий, произошедших со мной, моей семьей, детьми в эти последние десять-одиннадцать лет жизни.

А после этих статей я подведу общие итоги.

РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ БРАКИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Наихудший из неравных браков –
это неравный брак двух сердец!

Эдмунд Блэр Лейтон. «Пока смерть
не разлучит нас» (1878)

Привычная ситуация, когда вступают в брак жених и невеста примерно одного возраста. А что если белое свадебное платье надето на молодой девушке, а жениху за сорок, а то и далеко за пятьдесят? Во все времена существовали разновозрастные браки. На Руси муж традиционно был старше и опытней жены. Но современные тенденции эмансипации и феминизации значительно изменили возрастные характеристики браков.

Любовь вполне взрослого мужчины и тринадцатилетней нимфетки очень хорошо описал Владимир Набоков в романе «Лолита». Про любовь юноши к старой и вполне уродливой даме по имени Маульташ написал

Лион Фейхтвангер в романе «Безобразная герцогиня». И в том и в другом случае истории трагические.

Вертинский вылепил свою Галатею. «Отец, уезжая, каждый день писал маме письма – каждый божий день! Она его боготворила, он, собственно говоря, сделал ее личностью, незаурядной женщиной. Ведь она вышла за него замуж в 18 лет! (ему 52). Он вылепил и воспитал ее, как Пигмалион Галатею. Замуж, овдовев в 34 года, мама больше не выходила, хотя предложения были и очень хорошие. Но кого, скажите, она могла сравнить с Александром Николаевичем?» (Марианна Вертинская о своих родителях.)

Неравные браки... разновозрастные браки. В былые времена в семьях аристократов молодую девушку выдавали замуж за влиятельного, состоявшегося господина (см. картину «Неравный брак» В.В. Пукирева). Считалось, что в такой паре муж сможет чему-то научить свою молодую, неопытную жену. Правда, прослеживался расчет. Люди отказывались

поверить в большую и чистую любовь, которая возникала порой между зрелым мужчиной и юной девушкой.

Любви все возрасты покорны. И в этом можно найти объяснения разновозрастным бракам. Во времена феодалов и Средние века это было нормой, в советские времена это стало неприемлемо, сегодня это в порядке вещей. Буквально лет 20 назад будь ваш муж младше лет на 15, или старше на 35 лет, на вас смотрели бы искоса и перешептывались за спиной. В наше время это становится нормой, и число таких браков растет.

А счастливы ли супруги в таком браке, не чувствуется ли разница в возрасте? Почему некоторые люди вступают в неравный брак? Всегда ли в порыве великой любви или по каким-то более меркантильным соображениям, в которых они сами боятся признаться? Есть ли шанс у такого брака?

В крупных городах России у 13% супружеских пар разница в возрасте составляет 10 лет и более, причем в половине случаев (6%) эта разница достигает 15 лет и более. В Москве и Санкт-Петербурге в 2% зарегистрированных браков эта разница составляет 20 лет и более. Отмечается бурный рост числа браков «со значительной разницей в возрасте» или даже «чрезмерной разницей в возрасте».

Есть данные, что при разнице в возрасте 3–4 года доля разводов достигает 37%, 10 лет и более – 60% (меньше детей, меньшая степень удовлетворенности психологической и сексуальной). Кстати, если в группе семей с традиционной разницей в возрасте женских измен около 25% (мужских до 80%), то в семьях с нетрадиционной разницей в возрасте практически половина жен вступают во внесупружеские связи. И все-таки несмотря на все «но» с каждым годом все больше и больше людей вступают в разновозрастные браки.

Наблюдения показывают, что во времена экономических кризисов число разновозрастных браков значительно увеличивается. Так было в период Великой депрессии в США, потом в Европе во время войны и сразу после нее, в начале 1990-х – в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии. Это актуально сегодня и для нашей страны.

Итак, разновозрастные браки: за и против. Чего же ищут в таком браке молодые девушки и мужчины в солидном возрасте?

Психологов всегда интересовали эмоциональные, интимные, а затем и супружеские связи молодых женщин с партнерами, отстоящими от них на десятилетие и больше. Что притягивает их друг к другу? Почему притяжение это настолько сильно, что преодолевает и сопротивление родных и друзей, и здравый смысл?

Что влечет мужчин?

Мужчины в таком браке ищут признания, возможность доказать окружающим свою достаточную сексуальность и социальную привлекательность. А поскольку в каждом мужчине заложено «быть главой семьи», в таком браке это ему удастся реализовать как нельзя лучше, поскольку в глубине души он опасается, что в браке со зрелой женщиной достичь позиции лидера ему не удастся.

Возможность «омолодиться», перенестись на 10–15 лет назад, забыть о своем истинном возрасте. Почему? Боятся наступающей старости, снижения активности, в том числе и сексуальной, беспомощности, болезней; часто боятся этого даже более, чем женщины, а жаловаться не принято. В связи с этим страхом каждый 4-й мужчина переживает в возрасте 40–45 лет настоящую депрессию – «депрессию двух третей жизни». Отсюда и нелепые поступки в этом возрасте: вдруг связь с молодой; это, скорее, не любовь, а разочарование в своей прежней жизни, неудачи в чем-то, а юное создание – лишь способ повысить самооценку...

Союз с молодой – это и вероятность, и возможность большей раскованности в интимной жизни. Группа английских психологов показала, что из 1000 англичан, жены которых на 15 лет моложе, почти 900 оказались сыновьями жестких и холодных матерей, воспитывающих их в пуританском духе. Интимная жизнь исследованных мужчин с их молодыми женами выглядела не только более интенсивной, но и более разнообразной, более яркой, чем их предыдущие сексуальные отношения (включая супружеские) со сверстницами. Кстати, треть мужчин изученной группы вообще никогда в сексуальные отношения со сверстницами не вступала.

Брак с молодой женщиной повышает престиж мужчины в глазах окружающих. Интересные данные одного эксперимента, в котором испытуемым предъявлялись фотографии мужчин с женами моложе на 2–3 года и на 15 лет. Так вот, внешность мужчин из второй группы оценена испытуемыми намного выше, чем внешность мужчин первой группы.

Некоторые специалисты считают, что только к 40 годам мужчина действительно хочет иметь детей. Олег Табаков называет это желание «потребностью продлиться». У Олега Табакова было уже двое детей, когда он заключил брак с Мариной Зудиной, которая была моложе его на 30 лет. Тем не менее он считал, что детей у него мало, только двое,

и 70 лет – хороший возраст, чтобы стать отцом. Мы тоже считаем, что преимущество разновозрастного брака, во-первых, в возможности «продлиться», а во-вторых, «истинное ответственное отцовство» может наступить только после 40 и более лет. Отцовство в 17–20 лет – это «инфантильное отцовство», в 20–30 лет – «ювенильное отцовство», в 30–40 лет – период «карьерного отцовства» (отец делает или доделывает карьеру), 40–50 лет – это «растерянное отцовство»,

когда появляется большое желание быть отцом, но дети уже большие и появляются внуки.

Что движет женщинами? На что обрекает себя молодая жена: на снижение сексуальной жизни, на «стать сиделкой» при престарелом муже? И тем не менее... Что же движет ими? Это остается во многом загадкой.

Девушка ищет в старшем друге покровителя и защитника, чего ей, возможно, не хватало в собственной семье. Если она выросла без отца или отец уделял ей мало внимания, а она так хотела этого внимания, любви отца, то потребность в добром папе, который ее приголубит и возьмет под свое крылышко, может в таком браке удовлетвориться полностью.

Больше половины молодых девушек и женщин, вступающих в неравный брак, выросли в семьях, где отец был значительно старше матери – как минимум на 10 лет. Почти 40% молодых жен выросли без отца, а 25% вообще никогда не видели отца. Лишь немногие выросли в «традиционных» семьях, где отец отличался добротой, заботливостью, надежностью. Между отцом и дочерью обнаруживалась особая привязанность. Те же девочки, что воспитывались одной матерью, проявляли повышенный интерес к отцу, в подростковом возрасте у них вспыхивал «синдром Кагэкье», когда они пытались найти отца, наладить с ним отношения – в подавляющем числе случаев безуспешно. Кстати, классический синдром Кагэкье наблюдался у знаменитой Мэрилин Монро: первый свой гонорар она отдала частному детективу, поручив ему найти отца, которого она никогда не видела. После долгих поисков отца нашли на другом конце страны, но он не захотел встречаться с дочерью и сломал детективу нос.

Абсолютное большинство таких женщин почувствовали тягу к мужчинам старше себя еще в подростковом и юношеском возрасте, и сексуальные отношения впервые случались даже с более старшими мужчинами, чем их мужья.

В чем достоинство такого брака и в чем его недостатки?

Мужчина старше. Преимущества

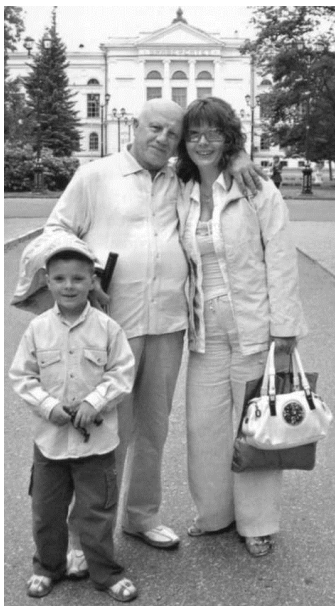
Молодая жена – показатель мужской состоятельности, предмет гордости, своего рода достижение, которым можно похвастать перед друзьями, независимо от реальных успехов в этой области, чтобы сложилось мнение: «А Иванов еще о-го-го! А мы думали, что из него песок уже сыплется!».

Возникающие в этом возрасте проблемы с потенцией вначале решаются очень удачно с юной и очаровательной красавицей. Очень часто, решая свои сексуальные затруднения за ее счет, мужчина предпочитает девственницу или женщину с незначительным или неудачным сексуальным опытом, чтобы не проигрывать в сравнении с другими мужчинами, потому что

он не уверен в своих способностях. А с девушкой, обладающей еще не развитым сексуальным аппетитом, не имеющей опыта, он чувствует себя героем-любовником и относительно спокоен.

С молодой женщиной мужчина любого уровня интеллекта и развития легче чувствует себя значительным. Если с ровесницей он может казаться беспомощным и несостоятельным, то в этом случае преимущества возраста делают его едва ли не Господом Богом.

Мужчина возвращает себе утраченную молодость, подпитывается энергетически от юного создания. Влюбленность, порыв, вдохновение, то, чего ему так не хватало в жизни, вдруг вливаются мощным потоком в его серое существование и преобразуют все вокруг. Молодая партнерша очень часто становится мощным стиму-

лом для роста и самосовершенствования разочаровавшегося в себе и в жизни мужчины. Иногда она превращается для него просто в спасательный круг от стресса и депрессии.

Мужчина старшего возраста относится к девушке трепетно и нежно, совсем не так, как ее грубоватые сверстники. Он знает цену красоте, умеет ухаживать. Он понимает ее потребности в ласке, внимании, поддержке, говорит именно те слова, которые она хочет услышать. Он пытается под нее подстроиться, прислушаться, исполнять ее желания. Иногда это далеко заходит и случается то, о чем пишет поэт А. Дементьев, живший какое-то время в Израиле:

У меня красивая жена,
К тому же молодая.
Когда у ней все хорошо,
То и я душою отдыхаю.
Когда ж ей что-то не в угоду,
То мне хана и
П-ц всему еврейскому народу!

Иногда, благодаря покровительству и связям мужа, молодая жена делает карьеру, получает блестящее образование, у нее появляются перспективы роста и развития. Такое плодотворное совместное сотрудничество значительно увеличивает шансы обоих. Юлия Высоцкая, жена Андрона Кончаловского, актриса и ведущая телепередачи «Едим дома», говорит о муже как об «учителе жизни».

При условии духовного родства, взаимопонимания, сильной половой конституции мужчины и относительной холодности женщины такой брак может быть достаточно успешным и долговечным.

Есть еще один мотив вступления в разновозрастный брак, когда муж значительно старше жены, о котором женщина, скорее, догадывается, чем знает. Об этом мотиве хорошо сказал И. Губерман в своих «Пожилых гариках»:

Не любят грустных и седых
Одни лишь дуры и бездарности.
Мы ведь лучше молодых,
У нас есть чувство благодарности.

Но... есть и *недостатки*...

Романтические отношения, заканчивающиеся браком, неизбежно приводят к совместному быту, где мужчине, чтобы соответствовать ритму молодости, придется напрягаться. Как бы ни казались близкими интересы людей разных поколений, они неизбежно будут находиться на определенном расстоянии друг от друга. Разные музыкальные предпочтения, разные фильмы, разные книги, разные ритмы жизни, вкусы, взгляды. Слишком велика бывает пропасть. Даже если на словах молодая женщина и будет стараться соответствовать уровню мужа, внутренне она сделать это не в состоянии. И в ее душе постепенно будет образовываться осадок от неудовлетворенных потребностей в понимании, сочувствии, соответствии и совпадении. В напряженных попытках супругов соответствовать друг другу окажется очень много точек несовпадения, на которые все труднее и труднее будет закрывать глаза, когда начнется совместная жизнь.

В сексуальной жизни такой пары проблемы неизбежны, как неизбежно увядание сексуальных возможностей мужчины и расцвет таковых у нормальной здоровой женщины. Ее темперамент, некоторая холодность на начальном этапе как нельзя лучше подходят потенциальным возможностям мужа. Поначалу секс с опытным мужем, не торопящимся получить удовольствие только для себя, будет привлекать ее, и она оценит его внимание, стремление доставить ей наслаждение, галантность, знание особенностей ее организма и психики. Но придет время пробуждения ее сексуальности и... это может повергнуть мужчину в еще большую депрессию... Жгучее желание и невозможность его удовлетворить, горькое осознание этого – вот такой неутешительный финал может быть у романтической истории разновозрастного брака. Леонид Филатов писал:

Ты, дружок, из тех мужей,
Что безвреднее ужей:
Егозят, а не кусают,
Не сказать ишо хужей.

Надо также помнить, что в «неравных браках» ревнивцев куда больше, чем в обычных. Муж может очень сильно опасаться конкуренции и стать настоящим Отелло.

Взрослеющий мужчина требует заботы и внимания, на которые юное создание может быть не способно, потому что само видит в нем воплощение своей мечты об идеальном папочке. Некоторые так и называют своих мужей – папочка. Им невдомек, что папочке тоже иногда нужна

«мамочка», которая бы его радикулит правильно поняла, старческую дальнозоркость не высмеивала и спокойно бы относилась к его маленьким возрастным слабостям. Если бы рядом была ровесница или почти ровесница... А тут. Разве можно кряхтеть и жаловаться! Вот и держит он себя постоянно в ежовых рукавицах и не дает себе вздохнуть, а она все больше злится на его беспомощность и болезненность, не только про себя, но и вслух.

Минус такого положения и в том, что девушка ищет в браке защитника, а получает обратное. Следует учесть, что с возрастом мужчины еще больше, чем в молодости, нуждаются в опеке и заботе. Со временем муж-защитник превращается в слабого «ребенка», и постепенно все проблемы и заботы переваливаются на хрупкие девичьи плечи, что является нередко началом конфликта отношений. Быт, разность интересов и предпочтений, а также устоявшиеся годами привычки мужа постепенно могут и погубить такой союз.

Молодым женам можно порекомендовать в данном случае не напоминать мужу о возрасте, постараться найти общие интересы и темы для разговоров, а также общих друзей со стороны мужа. Не давайте ему повода чувствовать себя старым и ревновать. Они более ранимы, чем молодые. Мужу тоже не следует твердить «я старею», а стараться соответствовать. Но и не переборщить в этом.

С мужчиной значительно старше себя женщина стареет намного быстрее. Она невольно подстраивается под ритм его жизни и преждевременно угасает. Иногда опускается в своем развитии и самосовершенствовании. А зачем? У нее все есть, потребности чего-то достичь самостоятельно не возникает, так как добрый волшебник в лице мужа все за нее решит, доставит, додумает. А она? Она упивается ролью красивой игрушки, уверенная в своей обворожительности и вечной молодости, сексуальной привлекательности, не замечает, как превращается в ворчливую старуху, которая забывает за собой следить, развиваться.

Очень часто, чего греха таить, молодая женщина идет на подобный брак из материальных побуждений. Правда, нередко забывая, что за все надо платить. И за свою «упакованность» тоже. Еще больше проблем в таком случае возникает, когда появляются дети; вырваться жене из этих уз довольно сложно. Да и для мужчины тоже проблема, когда молодая, шустрая жена-красавица, пользуясь его «добротой», занимается только шопингом, накопительством, сорит деньгами налево и направо. То есть она любит в действительности не мужа, не его как личность, а его налич-

ность. Здесь можно, перефразировав известного украинского поэта Ивана Франко, сказать: «Она любит мужа, как хлеб и кусок сала, а сама охотнее бы с молодым поспала».

Серьезные шутники говорят в этих случаях, что кроме возраста и любви следует учитывать марку машины, счет в банке и страну проживания.

А если все наоборот, и старше в брачном союзе жена?

Если семья, в которой муж намного старше, уже никого не удивляет, то к противоположной ситуации общество привыкло не до конца. Просто потому, что таких случаев меньше. Сложно сломать стереотип: у молодого мужчины должна быть молодая жена, а не наоборот. К плюсам подобных браков можно отнести психологический комфорт мужчины, который чувствует себя взрослее и мужественнее рядом с опытной и красивой женщиной. Опыт помогает в построении семейного быта: умудренная опытом жена может избежать многих конфликтов. Считается, что плюс такого брака и в том, что молодой муж намного быстрее развивается: становится увереннее в себе, достигает определенных высот в карьере и постепенно роль «ученика» становится ему невыносимой, поскольку он желает быть «главой семьи». И этот период – шок для жены, начинаются непонимание, скандалы, женщина не желает превращаться в покорную жену. К минусам можно отнести то, что у молодого мужчины, который часто является отчимом взрослых детей, редко появляется возможность самому стать отцом.

Советы: меньше опекать мужа, дать ему больше свободы действий, самостоятельных решений, выбора. Оцените это.

А молодому мужу следует чаще напоминать жене о том, что она красива, иногда критиковать окружающих женщин в пользу жены, чтобы дать ей почувствовать, что она любима. Сохранить такой брак поможет мудрость жены и сдержанность обоих супругов.

Кризис наступает супругов, когда один из партнеров начинает терять жизненную силу, а другой еще полон ее. В этом случае нужно обговаривать возможные антикризисные меры.

Помните, что более 60% разновозрастных браков заканчиваются разводом, причем больше половины мужчин возвращаются к бывшим женам. Специалисты говорят о двух фазах в таких браках: первая представляет собой эмоциональный и сексуальный подъем, когда происхо-

дит омоложение мужчин, и длится от 3 до 5 лет; во второй фазе разница в возрасте, интересах, образе жизни, в интимной жизни порождает множество конфликтов и приводит либо к разводу, либо к крайне невысокому качеству отношений, не всегда мирных; более половины жен заводят «романы на стороне». Психологически окрепнув рядом со зрелым мужчиной, достигнув сексуального расцвета, подруги теперь готовы к романам и бракам со сверстниками; они уже не нуждаются в «муже-отце».

Короче говоря, оптимальна та ситуация, в которой супруги чувствуют себя спокойно, комфортно, равноправно, а разница в возрасте совершенно не ощущается ими, т.е. если супруги любят друг друга, а не придумывают красивую легенду для своих несбывшихся мечтаний и потаенных амбиций. Когда они не обманывают друг друга и себя, а осознают, что им этот брак действительно нужен. Когда их отношения согреты истинной близостью, любовью, взаимопониманием и стремлением сделать друг друга счастливыми, тогда вопрос о возрасте отпадает. А вообще, все очень индивидуально.

Не стоит думать, что в разновозрастных браках люди несчастны, когда старший из партнеров уже начинает стареть, а другой пока еще взрослеет. Как правило, факт наличия более молодого партнера заставляет другого постоянно держать себя в тонусе и заниматься собой.

Чаще всего в парах, где старше женщина, она переживает по поводу потери внешней привлекательности больше, чем ее супруг. Как правило, мужчины любят глазами лишь первое время, а далее приходит пора тактильных и обонятельных ощущений. Разница в возрасте – это не главный фактор. Следует прислушиваться к сердцу.

Олег Табаков: «Наши отношения длятся давно. Не хочу сказать, что наша жизнь с Мариной безоблачна и совсем не выпадают осадки. Но я вижу, что она меня любит, – и это самое главное». К его мнению присоединяются и другие знаменитые возрастные мужья: Владимир Шаинский (разница в возрасте с женой 42 года), писатель Леонид Жуховицкий (разница в возрасте 45 лет), режиссер Андрон Кончаловский (разница 36 лет). И авторы статьи того же мнения (разница в возрасте 34 года).

Из приведенных выше примеров следует, что женщину нужно покорять прежде всего личностью, а не наличностью, что хороший брак поκειται на таланте и дружбе (Ницше), что надо друг друга изучать, знать и взаимопонимать, а не жить с фантомами и не питаться иллюзиями.

Можно сделать общий вывод: счастьем возраст не помеха!

ОТЦОВСТВО: НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В третьем триместре беременности
ребенок слышит голос отца в три раза
сильнее, чем голос матери.

Гингер

Баю-баюшки-баю,
Я Януленьку люблю
И Тямуюлку тоже –
Нет ничего их дороже
Моих славных ребятишек –
Моей дочурки и моих сынишек:
Яна, Олежа, Владя и Артем –
Теперь у нас аж целый дом!
Баю-баюшки-баю,
Очень всех их я люблю
Моих славных ребятишек –
И дочурку и сынишек.

Вариант известной колыбельной песенки

Интерес к данной теме продиктован остротой демографической ситуацией, связанной с большим числом распадающихся семей, падением рождаемости, увеличением числа детей-сирот при живых родителях (социальное сиротство) и т.д.

Имеющиеся в психологии и смежных науках (психотерапии, социологии, этнографии, педагогике, антропологии) данные об исследованиях родительства позволяют сделать один существенный вывод: материнство исследовано в большей степени, чем отцовство. При этом большинство авторов подчеркивают, что отцовство является важным условием развития ребенка и личности самого отца.

По данным исследований, отец влияет на полоролевую идентификацию (З. Фрейд, Н. Левальд, Ш. Барт и др.), интеллектуальное развитие (интерес к учению) (В. Фтенакис, Р. Берне, Б.И. Кочубей), усвоение моральных норм (О.Б. Чиркова), эмоционально-личностную сферу ребенка (Е.О. Смирнова, В.С. Собакин и др.), а также на его характерологические особенности (Е.П. Ильин, А. Биллер, З. Матейчек и др.). Отцовство в целом выступает как источник жизненного опыта, необходимого растущему ребенку, как потенциальному родителю. Кроме того, переход к отцовству предполагает преодоление личностного кризиса мужчиной, связанного с проблемой осознания себя отцом, принятия своих чувств и их самоконтроля (Э. Эриксон, Э. Фромм, Д.С. Акивис, Р.В. Манеров, Е.И. Захарова, Ю.В. Евсеенкова и др.).

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что проблеме подготовки молодых людей к отцовству и проблеме отцовства вообще в психологии уделено явно недостаточно внимания.

Психологическая готовность к родительству и методы ее формирования приобретают в последнее время все большую актуальность среди проблем психологии развития.

Это связано, с одной стороны, с ростом демографических проблем, например, снижением потребности в детях, о чем предупреждают социологи, ростом девиантного материнства, увеличением числа безотцовщины, числа отказов от ребенка и т.п.

С другой стороны, подобный интерес обусловлен вниманием к проблемам личностного развития взрослого человека, в том числе в связи с его новой ролью – ролью родителя.

Ученые указывают на то, что огромное влияние на формирование психологической готовности юношей к отцовству оказывает воспитательная среда (А. Адлер, Т.И. Дымнова, В.Н. Дружинин и т.д.).

Родительская семья является первичной социальной средой индивида, средой социализации.

С точки зрения А. Адлера (2003), семейная атмосфера, взаимоотношения в семье, ценностные ориентации и установки родителей являются первым фактором в развитии личности. Дети учатся нормам общежития в обществе и воспринимают культуру через своих родителей. Именно в семье человек получает первый социальный опыт, усваивает правила и нормы поведения. Родительская семья является наиболее доступным образцом наблюдения, который при определенных условиях становится образцом для подражания.

Л.С. Выготский считал подражание источником возникновения всех специфических человеческих свойств сознания и видов деятельности. Содержание подражания, начиная с трехлетнего возраста, представляет собой моделирование поведения взрослого.

Психоаналитики утверждают, что развитие сверх-Я происходит в процессе идентификации с родителями и интериоризации родительского авторитета. Ребенок в своем развитии движется от принципа удовольствия к принципу реальности, и образование сверх-Я считается решающим прогрессом социализации.

Родители, как правило, являются для индивида значимыми людьми, поэтому осуществление ими родительской роли частично осознанно, а частично неосознанно, впоследствии копируется в собственной семье:

«какими мы стали родителями, в значительной степени зависит от того, что мы видели, пережили, ощутили в поведении собственных родителей»; между структурами супружеских и родительских семей наблюдается прямая зависимость – супружеские семьи в подавляющем большинстве аналогичны родительским, особенности родительской семьи неосознанно воспринимаются детьми в их семьях.

Подытоживая опыт разных исследователей, С.В. Ковалев (1988) выделяет три группы факторов, влияющих на личность ребенка в семье:

- 1) социальная микросреда семьи, где происходит приобщение ребенка к социальным ценностям и ролям;
- 2) внутрисемейная и внесемейная деятельность, где происходит приобщение к будущей жизнедеятельности;
- 3) семейное воспитание, представляющее собой некий комплекс целенаправленных педагогических воздействий.

Большинство зарубежных исследователей сходятся в том, что вступающие в брак люди воспроизводят структурный тип семейной системы родителей (McGoldric, Gerson, D.H. Olson), стиль взаимоотношений предыдущих поколений (M. Bowen, M. Rutter, R.I. Watson). Кроме того, семейная система родителей может послужить образцом для семейного функционирования следующих поколений.

В.Н. Дружинин рассматривает несколько гипотез подражания. Первая: супруги воспроизводят в своей семье те способы воспитания, которые осуществляли их родители по отношению к их братьям и сестрам, а не к ним самим. В общем и целом сценарий социализации и воспроизводства семьи выглядит так:

- 1) дети первоначально получают в качестве образца модель отношений супругов в родительской семье;
- 2) затем они проигрывают эти отношения, выступая в разных ролях со старшими и/или младшими братьями и сестрами;
- 3) на основе оценки сходства моделей семьи они выбирают партнера и воспроизводят структуру ролевых отношений родительской семьи в своей новой семье.

По этой гипотезе наибольшие сложности должны испытывать взрослые, которые были единственными детьми в семье.

Вторая гипотеза – ребенок относится к другим так же, как родители относились к нему.

С точки зрения И.В. Дубровиной, только семья – родители и близкие родственники, их образ жизни, содержание общения и стиль взаимоотно-

ношений – формируют у детей образцы, эталоны мужчины и женщины. Однако И.В. Дубровина и М.И. Лисина не придают фатального значения общению ребенка с его кровными родственниками. Наиболее важным считают они характер контактов, складывающихся у ребенка со взрослыми, которые о нем заботятся.

В.Н. Дружинин отмечает, что ребенок обучается своей будущей супружеской роли, мысленно отождествляя (идентифицируя) себя с родителем того же пола. Для мальчика особое значение имеет опыт общения с отцом, более того, опыт наблюдения за поведением отца по отношению к матери.

Розинаева считает, что для сына отец представляет идеал отношения к жене, для дочери является образцом будущего мужа.

Ф. Хорват подчеркивает, что пример отца в семейной жизни является очень важным фактором для подготовки детей к будущим родительским функциям.

Исследователи утверждают, что лишение отца и недостаточный опыт общения с ним затрудняют формирование отцовских чувств у мальчиков, что впоследствии негативно сказывается на их отношении к собственным детям (И.С. Кон).

Т.И. Дымнова полагает, что нарушение условий развития ребенка в семье, эмоциональная депривация и фрустрация способностей приводят к формированию отрицательных эмоциональных установок, которые мотивируют деструктивные (асоциальные, невротические и др.) формы поведения, приводящие в будущем к дезадаптации в семейной жизни (Р.В. Овчарова).

Таким образом, большинство исследователей признают влияние родительской семьи в качестве определенной модели, образца, идеала или антиидеала.

В плане формирования психологической готовности к отцовству родительская семья оказывает влияние на развитие отношения к детям, к себе как родителю. Многочисленные исследования доказывают влияние родительской семьи на стиль воспитания, реализуемый мужчинами в своей собственной семье (отношение к будущему ребенку, отношение к себе как будущему родителю, родительской роли).

Несмотря на это, современные социологи, этнографы и психологи солидарны в том, что наши знания об отцовстве поразительно скудны. В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных изучению роли матери, влияния материнства на личностное

развитие женщины и ребенка (Л.М. Прокофьева, М.Ф. Валетас, Г.Г. Филиппова и др.). Проводилось изучение беременности в филогенетическом (Филиппова Г.Г., 1995–1999), психофизиологическом аспектах (R.N. Emde, В. Bergs, F. Nay, А.С. Батуев, В.Г. Волков, Ю.С. Садкова, Н.В. Шабалина и др.), исследовались особенности психологической готовности к материнству (Н.В. Боровикова, С.А. Федоренко, Н.П. Коваленко, С.Ю. Мещерякова, И.Л. Шелехов, Г.В. Залевский).

На фоне такой изученности материнства отцовство остаётся «белым пятном». Зачастую в литературе отцу отводится второстепенная роль – после матери.

В частности, А.С. Спиваковская говорит о том, что воспитательная позиция отца в своём формировании несколько отстаёт от материнской позиции, так как наибольшую привязанность к ребёнку отцы начинают чувствовать, когда дети уже подросли. Нередко утверждается: лучшее, что может сделать мужчина для своего будущего либо рождённого ребёнка, это любить жену, его мать (В.И. Кочетков, Т.М. Афанасьева, А.С. Спиваковская и др.).

К. Витакер отводит отцу роль стороннего наблюдателя во время беременности жены и ухода за младенцем. Эта «невключённость» вызывает у мужчины ощущение одиночества и причиняет ему боль. В то же время К. Флейк-Хобсон считает, что участие отца в процессах рождения и воспитания ребёнка оказывает существенное воздействие и на супругов, и на малыша, привнося нечто неординарное в их отношения. Дж. Хесс полагает, что то, как человек определяет сущность отцовства, становится в нашей культуре своего рода водоразделом. С одной стороны находятся те, кто разделяет точку зрения Б. Малиновски, который утверждал, что самое важное моральное и юридическое правило относительно психологического положения сыновства в том, что ни один ребёнок не должен приходить в мир без мужчины – единственного мужчины, принимающего на себя социальную роль отца, воспитателя и защитника, мужчины-посредника между ребёнком и окружающим миром. Он пояснил, что это сводится к универсальному социальному закону, именуемому принципом законнорожденности, и что ребёнку необходим отец точно так же, как и мать. Группа, состоящая из женщины и её потомства, социологически неполноценна и незаконна.

Как говорилось раньше, проблема отцовства в психологии является слабо разработанной и характеризуется отсутствием каких-либо целостных концепций, базирующихся на эмпирических исследованиях. Можно

выделить лишь небольшое количество работ, в которых выражен научный интерес к проблеме отцовства: М. Мид – культурологическая концепция; И.С. Кон – изучение отцовства как социокультурного феномена; В.А. Сухомлинский – педагогические аспекты отцовства; О.А. Шаграева – исследование материнства и в связи с ним отцовства. Однако целенаправленного психологического исследования феномена отцовства до сих пор не проводилось.

В процессе теоретического анализа работ Ш. Барта, Э. Фтенакиса, Г.Г. Филипповой Ю.В Евсеенковой была разработана структурная модель феномена отцовства.

В структуру отцовства входят следующие компоненты:

1) потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания;

2) операциональный: осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним;

3) ценностно-смысловой: отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания.

Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – оценочный, в который входят:

1) самооценка как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца, рациональная и эмоциональная оценка себя как отца и своего ребенка;

2) социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для

соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, так как через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, так как пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры.

Феномен отцовства тесно связан с такими понятиями, как эмоциональная, мотивационная и ценностно-смысловая сферы, самооценка, самосознание, Я-концепция, удовлетворенность жизнью и стиль жизни, а также социальная роль отца, различающаяся в зависимости от общественной системы, социальной, экономической и политической сфер общества, статуса мужчины в данном социуме, социальных стереотипов, предписывающих определенные правила выполнения этой роли, в том числе и гендерных стереотипов.

Согласно мнению некоторых авторов, и я присоединяюсь к их мнению, семья и общество в целом нередко демонстрируют проявление фиксированных форм поведения (ФФП), т.е. таких форм поведения, которые повторяются или продолжают в ситуациях, которые требуют прекращения или изменения.

Тем самым, на мой взгляд, семья и общество формируют «жесткую» схему поведения подрастающего поколения, накладывая на него социальные, ролевые и гендерные стереотипы.

Как замечает Вацлавик, семья часто цепляется за те формы адаптации, которые в своё время вполне соответствовали требованиям жизни и были полезны и эффективны, и не желает видеть, что сами-то условия давно изменились (цит. по: [1]).

Наблюдения и результаты исследований психологических проблем семьи, брака и отцовства позволили мне сделать попытку онтогенетической периодизации отцовства (ответственного и безответственного):

- инфантильный период отцовства («инфантильное отцовство») – 16–20 лет;
- ювенильный период отцовства («ювенильное отцовство») – 21–30 лет;
- карьерный период отцовства («карьерное отцовство») – 31–40 лет;
- зрелый период отцовства («смешанное, растерянное отцовство») – 41–60 лет (появление внуков);
- поздний период отцовства («гenuинное – настоящее отцовство») – 61 и далее лет (Табакон, Кончаловский и др.); этот период отцовства можно еще обозначить как парадоксальное отцовство: сомнительная ответственность при принятии решения рожать детей и высочайшая степень ответственности при их появлении.

Таким образом, подводя итог, необходимо сказать, что:

- 1) изучение феномена отцовства является одной из важных проблем психологии в разных её направлениях;

2) семья является главным источником формирования представления о родительстве в целом и о функциях отдельных участников этой системы;

3) семья и общество являются источником ФФП у подрастающего поколения;

4) онтогенетическая периодизация отцовства, предложенная нами, может помочь в плане более адекватной оценки психологических проблем отцовства и их решения.

Литература

1. *Залевский Г.В.* Личность и фиксированные формы поведения. М. : Изд-во ИПРАН, 2007.

**ШКОЛА И ЗДОРОВЬЕ УЧАЩИХСЯ:
«ШКОЛЬНЫЙ НЕВРОЗ»
КАК СЛЕДСТВИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ**

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен; последовательно, шаг за шагом мы стремимся усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой его духа, силой его требований и намерений. Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

Януш Корчак

Можно ли считать, что слова Януша Корчака, сказанные более полувека назад, не являются актуальными, не отражают положение дел в воспитании и образовании дня сегодняшнего, сегодняшней отечественной школы? К сожалению, нет, хотя найдутся и те, кто считает, что эти слова к современной отечественной школе не относятся, ведь она реформировалась. Как? Во многих случаях произошла просто смена вывески, коммунистическое воспитание вмиг превратилось в гуманистическое, обычная школа – в необычную гимназию и т.д. А по существу? А по существу она стала вряд ли лучше, ничего радикально и не могло измениться к лучшему, так как кадры, которые, как известно, решают все, остались на своем месте. Новые люди, молодые и творческие, по известным причинам в школу приходят неохотно, особенно в начальную школу.

И сегодня, на наш взгляд, начальная школа, эта дверь не только в школьную жизнь, но и в жизнь вообще, оказывается самым слабым в этом отношении звеном школьного образования. Это кажется, на первый взгляд, парадоксальным, поскольку начальная школа есть благодатное поле для разного рода образовательных инноваций. И они, несомненно, есть. Но фактом остается и то, что инновации – это хорошо не само по себе, поскольку все, в конечном счете, решает учитель.

Да, несомненно, можно считать счастьем, если повезет с учителем. К сожалению, таких везений, как показывает жизнь, очень мало. Мы попросили студентов 2-го курса факультета психологии ТГУ ответить на вопрос: «У кого остались самые лучшие впечатления и воспоминания о времени учебы в младших классах?». Из 32 человек только у 5! остались самые лучшие воспоминания о начальной школе. Опрос другого потока того же факультета показал, что из 48 студентов только у 7 остались хорошие воспоминания о школе. Приведем также один пример такого невезенья из своей консультативной практики.

К нам на консультацию пришли родители, сын которых (внук известного в Томске профессора) пошел в 2009 г. в первый класс. Вот что рас-

сказал отец: «Сын пошел в школу охотно. По результатам тестирования в детском садике и при приеме в школу в целом был к ней готов, хотя специально к школе его не готовили, так сказать, не натаскивали, особенно не торопились лишать или урезать его детство. Мальчишка, как говорят, шустрый, общительный, добрый, не склонен к обману, еще вполне по-детски наивен, но способен логически мыслить, речь довольно развита. Правда, поначалу с трудом усваивающий школьные правила. Но поскольку, как говорят ученые, в связи с индивидуальными особенностями период адаптации к школе может длиться от 3 до 16 недель, то ему для этого требовалось, возможно, несколько больше времени, чем другим детям. Однако к учету этих индивидуальных особенностей школа и учительница нашего сына, видимо, оказались не готовы. И вот что из этого получилось.

Учительница задала ребятам домашнее задание: написать сочинение «Я – первоклассник». Вот текст сочинения нашего сына».

12 сентября 2009 года

АНТОН¹ ЛЮБИТ ШКОЛУ

Меня зовут Антон, я пошёл в школу в первый класс. Я пошёл в немецкую школу № В школе у меня много друзей. Друзья там очень умные. Мы там с мальчишками хорошо играем. И знаете, во что мы играем? Мы играем трансформерами. И там мы начали играть ещё машинками. Мы там изучали светофор. И он назывался веселый светофор. И светофор был таким интересным, что мы с ребятами были такие весёлые. От весёлости мы были очень умные. И родители у нас умные. Дома занимаемся домашними заданиями. А в школе мы работаем прописями и математикой, а также азбукой.

И нас там учит учитель. Татьяна Петровна – так зовут учительницу. И мы там путешествовали. Хорошо было в школе.

В школе мы были такими хорошими ребятами и хорошо там учились. Мы там на переменке физминутку учили. И знаете, какую физминутку мы учили? Буратино мы учили физминутку, Совушка-сова – большая голова, крылышками хлоп-хлоп, ножками топ-топ. И наша школа хорошая и красивая.

¹ По понятным причинам имена здесь изменены за исключением имени консультанта.

«Наверное, Антон забыл, как надо было назвать сочинение, либо его переполняли понятные чувства. Совершенно очевидно, что ребенок с большим желанием пошел в школу, ему понравилось учиться в школе. Но его чувств явно не разделяла учительница, поскольку, вместо, казалось бы, естественного поощрения Антон получил замечание, что не так, как было велено, назвал свое сочинение.

И, как оказалось в скором времени, от любви к школе до «школьного невроза» или «невроза первоклассника», хватило всего чуть больше месяца. Прошло чуть больше месяца после написания этого сочинения, и нам пришлось обратиться за консультацией к известному в России специалисту по поводу состояния сына. Вот его заключение:

В процессе психологического консультирования мальчика Гревского Антона, 7 лет, была проведена беседа с ребенком относительно его проблем (мальчик пришел с мамой на консультацию с запросом о заключении по поводу проблем адаптации к школе)...

Заключение: у мальчика имеются признаки постстрессового расстройства, что выражается в повторном обращении к травмирующей ситуации, навязчивых, стереотипных действиях, напряженности, в переживаниях проблем в школе, в страхах, расстройствах сна, несколько замедленной речи.

Рекомендации: Ситуация травматизации должна быть устранена. Рекомендован перевод в другую школу. Спокойный и щадящий режим дня, отсутствие повышенных нагрузок. Консультация психоневролога.

Д.п.н., профессор,
зав. лабораторией психологии развития
Института психологии Российской академии наук
Сергиенко Е.А.

У нас, родителей, возник вопрос, почему вполне здоровый ребенок, как говорится, из вполне благополучной семьи (правда, в этом конкретном случае благополучная семья, тем более профессорская, рассматривалась как фактор неблагоприятный) за довольно короткий срок пребывания в школе «заработал» фактически невротическое состояние и рекомендацию специалиста сменить школу?

Этот вопрос мы задали директору школы, завучу по начальным классам и учительнице сына. В ответ – стена и полнейшее непонимание. Более того, прозвучали обвинения в адрес ребенка, что он де «агрессор», «не знает правил социального поведения», а родителей его – в том, что

они этому его не учат и т.д., и т.п. Школа и учителя здесь вообще ни при чем; они уходят от ответственности, ловко сталкивая друг с другом детей и родителей этих детей.

Так в чем действительная причина «невроза первоклассника» нашего сына? По нашему мнению, в предвзятом отношении учителя к ребенку и к родителям (может, больше к родителям, а на сыне это аукнулось?), проявившееся фактически с первых дней школьной жизни. Буквально на второй день школы учительница прямо при ребенке и других детях и их родителях говорит маме, что «он проблема», на что сын довольно болезненноотреагировал, спросив тут же учителя, «почему это я проблема?». То есть ярлык «проблемный ребенок» тут же был повешен, ну а дальше оценка поведения ребенка на уроке и вне его через этот ярлык. Назвал сочинение не так как было велено, делается замечание, вместо того, чтобы поддержать добрые чувства ребенка к школе.

Во всех случаях, если кто-то кого-то обидел, виноват он. Если же его обижают, то это учитель объясняет тем, что «он сам достал». Пришел домой из школы с фингалом на правой щеке, учительница просто этого не заметила. Мальчишке «отпинали» ногу, которую мы уже неделю оттираем специальной мазью, но учительница тоже об этом ничего не знает, она только «об этом что-то слышала». В один из школьных дней ребенок в течение пяти уроков боялся пойти в туалет, описался, так как кто-то ему там угрожал. Учительница: «Этого не может быть». Когда он выполнил какое-то домашнее задание не совсем верно, то учительница всему классу показала, «как не надо делать».

Ребенок с самого первого дня в школе, войдя в класс, говорил: «Всем здравствуйте!»; в ответ – тишина. Учительница не обратила внимания ни на это, ни на то, что было бы хорошо, чтобы и другие дети так делали, да и отвечали на такое приветствие. Сын со слезами спрашивал дома, почему они так? Мы говорили сыну: «Ты пойдешь не в простую школу, а в “немецкую!”». Он побывал с родителями в Германии, много видел, общался с ребятами, был в Берлинском зоопарке. Он пытался рассказать детям в классе о том, что видел, поделиться впечатлениями, ведь он же в «немецкой» школе. Дети ему не верили, смеялись над ним, говорили, что он обманывает, кто-то не хотел его слушать.

Детей можно понять в этой ситуации, но не учителя. Она практически вела себя не лучше детей: «Ну что ты все про Германию, да про Германию!» И тоже с насмешкой и, вроде того, что хватит. И он горько плакал, что его не понимают, что принимают его за вруна, «за клоуна». Так, по-

тихонечку плевали в душу ребенка. В школьной столовой однажды он не стал сам есть шоколадку, которую давали к обеду, а отдал ее поварам. Когда учительница спросила, почему он это сделал, он ответил: «Я отдал за то, что они нам готовят еду». Опять был смех некоторых детей, и учительница, вместо того чтобы положительно оценить поступок ребенка, фактически поддержала этот смех, произнеся что-то вроде «ну, ванечка». Опять плевков в душу ребенка. Ребенок пришел домой со слезами и об этом рассказывал. И мы ему верим, ведь и сама учительница утверждала, что он не умеет врать. Правда, это тоже расценивалось как наивность, как «социальная незрелость»! Антон как-то заболел и почти 2 недели не ходил в школу. Татьяна Петровна ни разу не позвонила, не поинтересовалась, что случилось, как его здоровье. Это что, так положено?! Более того, когда мы интересовались домашними заданиями, то она отвечала, что «не помнит, все у нее в школе» и отсылала нас к другим родителям.

Мы (родители), к сожалению, не получили внятных ответов на наши вопросы, поскольку учителя (учительница, завуч начальных классов, к сожалению, и школьный психолог, не побеседовав ни разу ни с ребенком, ни с родителями, проявили полнейший непрофессионализм), заняв круговую оборону по типу «мы тут не девочки» (по выражению директора школы), ничего не приняли и не поняли (все, сказанное родителями, – «это слова, а не факты!»). Что, собственно, и следовало ожидать.

О мотивах предвзятого отношения учительницы к ребенку и родителям (возможно, больше к родителям, а уже затем к ребенку) можно только догадываться. У нас, родителей, сложилось твердое впечатление, что учительница пыталась всеми силами «выдавить» нашего сына из класса и школы. О мотивах можно говорить лишь предположительно. Во-первых, возможно, неосознаваемый страх оказаться и показаться недостаточно квалифицированным специалистом. Возможно, мотив по типу «мы этим академикам с профессорами покажем!». Такое за некоторыми учителями, и не только учителями, водится, как следствие наличия комплекса неполноценности, зависти и т.п.».

Нам, специалистам, оказалось тоже не так просто ответить на вопросы родителей. А чтобы на них все-таки ответить, мы обратились к анализу заявленной в названии данной статьи проблемы.

Данные статистики убедительно свидетельствуют о неумолимо нарастающей тенденции ухудшения здоровья нации – физического, психического, духовного. Выдвинут даже лозунг в этой связи: «Нация в опасно-

сти!». Предпринимаются попытки создания федеральной программы «Здоровье нации». Сегодня к проблеме здоровья все более обращаются и заинтересованные науки, психология не составляет исключения [1, 2, 4, 6, 11–14, 20, 21].

В особой зоне опасности в плане здоровья находятся дети прежде всего школьного возраста. Комитет экспертов ВОЗ подчеркивает, что в детстве проблемы здоровья, особенно психического и духовного, имеют более прямую связь с окружающей средой, чем в другие периоды жизни человека. В свете этого становится очевидной роль, которую в формировании здоровья детей играет школа, занимающая такое большое место в их жизни.

Реализация задачи реформирования школы требует определения тех связанных с ней факторов, которые оказывают влияние на формирование психического и духовного здоровья детей, и тех мер, которые помогут предотвратить или уменьшить возможные неблагоприятные воздействия школы. В осуществлении этого поиска должны участвовать в одинаковой степени врачи, физиологи, психологи, педагоги.

Если сравнить, например, распространенность неврозов в разных возрастных группах населения, то оказывается, что чаще всего они развиваются у детей 7–14 лет, т.е. у школьников [8]. На том, что многие неврозы возникают именно в школьном возрасте, настаивают многие специалисты [6. С. 13]. При этом с возрастом этиологическое значение семейно-бытовых факторов в возникновении психических отклонений уменьшается, роль же школьных факторов значительно возрастает [3, 6]. Большинство из этих состояний принадлежит к категории так называемых пограничных, чаще всего имеющих психогенный характер, так как возникают они вследствие психотравмирующих ситуаций [17, 23]. Такие расстройства, как правило, непродолжительны, но представляют тревожное явление, так как при этом может меняться тип взаимоотношений между ребенком и окружающей средой, наступать состояние социально-психологической дезадаптации.

При всей очевидной необходимости школьного образования (правда, нельзя требовать этого понимания и принятия детьми, даже теми, которые по возрасту уже должны идти в школу, нельзя искусственно урезать их детство), позитивного его влияния на развитие ребенка, к сожалению, со школой могут быть связаны и факторы, способствующие возникновению отклонений в здоровье детей школьного возраста, прежде всего в психическом и духовном. Надо помнить, что пребывание в школе – это

период роста и развития, в котором организм особенно восприимчив не только к благоприятным, но, к сожалению, и к неблагоприятным воздействиям. Школьный период включает по меньшей мере два так называемых возрастных криза, в которые организм оказывается наиболее чувствительным. Они приходятся на возраст 6–7 лет и пубертатный период. Между тем, как было отмечено еще в 1979 г. на 32-й сессии ВОЗ, «Процесс социализации ребенка и подростка еще недостаточно изучен. Эта проблема требует многосекторального подхода и имеет большое значение для оптимизации системы образования» (цит. по: [6. С. 16–17]). И здесь же высказана была мысль, что «было бы очень полезно определить, по каким характеристикам школы, в которых чаще встречаются психосоциальные нарушения развития у детей, отличаются от школ, где число детей с такими нарушениями невелико».

Как справедливо считает М.М. Безруких [2, С. 51–54], влияние на здоровье детей социальных, экономических, генетических факторов давно признано, но не менее значимо влияние комплекса педагогических факторов. И это приходится доказывать и педагогам, и родителям, и другим специалистам, работающим в школе. Исследователь перечисляет эти факторы: стрессовая педагогическая тактика; интенсификация учебного процесса; несоответствие методик и технологий обучения возрастным и функциональным возможностям школьников; нерациональная организация учебной деятельности; функциональная неграмотность педагога; отсутствие системы работы по формированию здоровья и здорового образа жизни.

Действительно ли современная школа является зоной риска? К сожалению, на этот вопрос можно дать только положительный ответ. И она приводит аргументы. И наиболее значимым из педагогических факторов риска считает «стрессовую тактику педагогики воздействий», что мы обозначаем как деструктивное поведение учителя.

В этой статье мы бы хотели сосредоточиться на детях младшего школьного возраста, поскольку, на наш взгляд, этому возрасту уделено незаслуженно мало внимания. А ведь начальные классы, и особенно первый класс, – это двери не только в школьную жизнь, но и в жизнь вообще. В этот период происходит формирование впечатлений, переживаний и отношений – первый раз в первый класс! – по известному специалистам механизму импринтинга. Если использовать терминологию Грофа [7], то можно сказать, что в это время возникает «матрица первоклассника», которая действительно во многом определяет всю дальнейшую школьную, да и внешкольную жизнь ребенка. Тем более, что, как известно, ос-

новным содержанием в школьном возрасте является учение, т.е. значительная умственная нагрузка. Л.С. Выготский писал, что научные понятия не усваиваются и не заучиваются ребенком, не берутся памятью, возникают и складываются с помощью величайшего напряжения всей активности его собственной мысли [5].

В школьной жизни, помимо биологических кризисных периодов, как известно, имеют место и переломные моменты социализации. И немало исследовательских данных свидетельствуют, что биологические кризисы – это не приговор, тем более в их резком проявлении, поскольку более «зловредную», нередко провоцирующую роль играют именно факторы этой самой социализации. И среди них наиболее неблагоприятным, как показывают исследования и наблюдения, является непрофессиональное, а потому деструктивное по существу своему поведение учителя, а в целом нередко – психологическая неготовность школы осуществлять индивидуальный подход, работать и с так называемыми «неудобными учениками», требующая в одностороннем порядке «психологической готовности» детей к школе, прежде всего детей, приходящих первый раз в первый класс.

Не секрет, что переход из детского сада (даже если там была так называемая подготовительная группа, что само по себе вызывает серьезные вопросы о правомерности сокращения периода детства у детей – не нарушение ли это прав ребенка) в школу – это трудный момент в жизни ребенка. Специалисты отмечают, что это изменение в жизни детей, особенно неподготовленных (но хотя уже готовности!) детей, соматически ослабленных и др., может даже привести к нарушению психического и духовного здоровья первоклассников. Некоторые специалисты предлагают для этого явления даже такие термины, как: «школьный шок», «школьный невроз», «невроз первоклассника» и др. [17].

В документах ВОЗ и специальной литературе заняли прочное место такие связанные со школой термины, как «школьный стресс», «дидактогении», «школофобия». Ряд авторов трактуют школофобию как страх не столько перед школой, сколько перед разлукой с родителями. Однако объективная статистика, регистрирующая наибольшее распространение школофобии в 11-летнем возрасте, когда уже образовалась привычка к школе и связанный с ее посещением страх утратить родителей давно обнаружил свою беспочвенность, выявляет ошибочность такого объяснения и заставляет искать истинную природу «школьного страха». Скорее пра-

вы те, кто в отказе посещать школу видят «реакцию избегания» на нездоровую школьную ситуацию (В. Шазан, цит. по: [6. С. 16]).

Все это требует повышенного внимания врачей и психологов к школе и ее воздействию на психическое и духовное здоровье детей. К числу непосредственно связанных со школой ситуаций, предрасполагающих к возникновению у учащихся пограничных психических расстройств, Д.Н. Исаев [16] относит следующие: 1) неспособность справиться с учебной нагрузкой; 2) враждебное отношение педагога; 3) смена школьного коллектива; 4) неприятие детским коллективом. Громбах [6. С. 17] согласен с Исаевым, что эти моменты действительно служат главными источниками нарушений психического здоровья школьников.

Несомненно, чрезмерная учебная нагрузка попадает под категорию «длительно травмирующих ситуаций», поскольку это труд. Однако труд не всегда сопровождается неблагоприятными для организма и психики ребенка воздействиями – утомлением, раздражением и т.д. Широко распространенное представление о неразрывной связи трудности учебных занятий с их утомительностью неверно [6]. Задача школы, учителя и заключается в том, чтобы эту связь разорвать – сделать по Станиславскому: трудное – привычным, привычное – легким, легкое – приятным.

Н.Ф. Добрынин, один из классиков отечественной психологии и мой учитель, в этом контексте предложил выделить особый вид внимания, а именно: послепроизвольное внимание [9]. Это означает, что обучение, особенно в младшем школьном возрасте, должно идти через опору на непроизвольное внимание к произвольному, а через него – к послепроизвольному, увеличивая постепенно долю произвольного внимания.

Отечественная медицина, да и психология (правда, об этом могут не знать практики образования), решительно отвергает мнение о «школьных неврозах» как обязательном следствии всякого обучения. Правильно организованное обучение для здорового ребенка, да и ребенка из так называемой группы риска [1], не может оказаться и не оказывается причиной нервно-психических расстройств. Но в случае необдуманной системы школьной нагрузки у ребенка возникают реальные условия для надлома его созревающей нервной системы, для появления невроза [23].

Отечественная педагогика стоит на позиции развивающего обучения, сформулированной в свое время Л.С. Выготским, согласно которой обучение только тогда хорошо, когда оно идет впереди развития. Тогда оно пробуждает и вызывает к жизни целый ряд функций, находящихся в стадии созревания, лежащих в зоне ближайшего развития [5]. Но нельзя в то

же время игнорировать тесную связь умственной работоспособности со степенью заинтересованности учащихся в осуществляемой ими деятельности. И поэтому неправомерно «вынимать» ее (заинтересованность, личность ученика) из понятия обучаемости, как его определяют некоторые исследователи, считая ее «ансамблем интеллектуальных свойств человека, от которого при всех прочих равных условиях зависит успешность обучения» [6. С. 22]. Вот это при прочих равных условиях играет все более неблагоприятную, на наш взгляд, роль в современном образовании: наблюдается устойчивая тенденция отчуждения интеллекта от личностной сущности человека, «мозги все менее становятся личностными», отрываются от души, человеческих ценностей. И именно на этот разрыв, который происходит в рамках тенденции нарастания сдвига между культурой и цивилизацией, все более ориентируется как общее образование (уже с начальной школы), так и образование высшее профессиональное. В связи с этим обесценивается и здоровье, особенно здоровье духовное. В связи с этим наша школа нередко бросается в другую крайность – в образование, в школу: духовность любой ценой и любую, вплоть до разного рода сектантства.

При всем многообразии факторов и причин социально-психологической дезадаптации и школьных неврозов учащихся начальной школы на первое место мы бы поставили отсутствие нередко социальной поддержки детей со стороны школы и конкретного учителя в силу непонимания необходимости такой поддержки, мнения, что этим должны заниматься только родители, что учитель и не должен этим заниматься («у меня вот их сколько», «я должен / должна их учить», «у меня программа!»). Кто-то из учителей добровольно попадает в ловушку так сказать «знаниевых программ», «программ развития», ведь так удобнее и проще, чем развивать личность. Хотя отцам-основателям некоторых из этих развивающих программ, тем более такой, как Программа развивающего обучения Эльконина – Давыдова, и в страшном сне не могло присниться, что так будут толковать их идеи и так их реализовывать.

Как мы выше отмечали, Д.И. Исаев [16] на второе место среди неврозогенных ситуаций ставит враждебное отношение педагога к ученикам. Следует согласиться, что характер взаимоотношений учителя и учеников (учителя к ученикам!) действительно имеет первостепенное значение в формировании психического и духовного состояния школьников, с чем согласен и Громбах [6. С. 24]. По нашему убеждению, этот фактор следует ставить впереди всех указанных неблагоприятных факто-

ров, обуславливающих дезадаптацию школьников, особенно учащихся первого класса и всей начальной школы.

Громбах [6] считает, что «враждебное» отношение учителя встречается не так уж часто, с чем можно было бы согласиться, если бы эта «враждебность» учителя не была столь многоликой, явной и скрытой, прямой и косвенной, в виде наклеивания ярлыков и предвзятости, явной пристрастности или равнодушия, формальности, в контексте которой очень часто находятся отношения (взаимоотношения) учителей с родителями учащихся. Так, психиатры и психологи единодушно отмечают, что именно ярлык неуспевающего, порожденный частыми низкими оценками, нередко служит причиной возникновения неврозов у детей. Но тут возникает известный замкнутый круг: ярлык неуспевающего ведет к неврозу, а невроз ухудшает успеваемость! И начинается борьба с неврозом ребенка, а не с наклеиванием ярлыков и неспособностью или нежеланием учителя найти индивидуальный подход, чтобы помочь ученику, оказать ему социальную поддержку. Поэтому справедливо мнение, что «неуспеваемость – это проблема в равной степени как медицинская, так и педагогическая» [6. С. 25].

Особенно острую невротогенную реакцию вызывает у учеников несправедливость учителя в любой форме. Справедливость – это вообще свойство, которое школьники чаще всего высоко ценят в своих педагогах. Еще более остро воспринимают несправедливость учителя младшие школьники, на что обращал внимание в свое время В.А. Сухомлинский [22]. Если ученик почувствовал несправедливость, – он потрясен. Если же дитя переживает несправедливость и сегодня, и завтра, и так в течение всего года, его нервная система возбуждается, затем наступает торможение... Резкие скачки – возбуждения и торможения – приводят к тому, что ребенок заболевает.

Хотя считается, что в нашей стране можно не упоминать о такой унижительной форме педагогического воздействия, как телесные наказания, в менее уродливой форме, но все же унижающей достоинство ученика (удаление из класса, грубые окрики, оскорбительные замечания, опять же наклеивание ярлыков и др.) удары по самолюбию нередко встречаются в наших школах, создавая психотравмирующие ситуации. Такое поведение учителей, неблагоприятно сказывающееся на психическом состоянии учеников, несомненно, является деструктивным, ставящим вопрос об их профессиональной пригодности.

Для таких ситуаций предложен специальный термин – дидаскалогении, т.е. нервно-психические расстройства детей по вине нетактичного

поведения учителя. Некоторые специалисты склонны именовать таких учителей «противоучителями» и перечисляют ряд их разновидностей: гневно-высокомерные, оскорбляющие учеников кличками («бездарь», «идиот», «дебил», «проблема» и др.); молчуны, у которых общение с учениками представляет не беседу, а ледяную усмешку; педанты (диктаторы), не терпящие возражений и требующие беспрекословного подчинения, презирующие свою профессию и переносящие это презрение на учеников (Христозов, цит. по: [6. С. 26]). Эта типология, разумеется, далеко не исчерпывающая. Можно было бы ее дополнить и другими типами, как например: демонстративные – любящие не свою профессию и детей, а себя в профессии, для которых профессиональный успех становится сверхценностью (нередко это учителя, своих детей не имеющие); «иезуиты» – квазилюбящие своих учеников, – внешне такие «пушистые», так сладко сюсюкающие с учениками, но в действительности не любящие ни своих учеников, ни свою профессию; манипуляторы – сталкивают детей друг с другом, а также и их родителей, оставаясь в стороне в тех случаях, где они должны нести личную ответственность; «ложно амбициозные» – «стажники» или имеющие «большой опыт» («мы тут не девочки»), который чаще всего критически не осмыслен, не отрефлексирован должным образом, а потому становится их врагом, да и врагом учеников, поскольку такие педагоги «всегда правы»; педагоги-квазипсихологи, т.е. те, которые считают себя автоматически и психологами, поскольку они в вузе знакомились с психологией и имеют личный опыт работы с детьми (нам не нужны психологи, мы сами психологи, у нас есть личный опыт!).

Негативное отношение к тому или иному ученику возникает у учителя вследствие разных причин. О некоторых из них мы уже говорили выше. Негативное отношение учителя, на которое он, конечно, по человечески имеет право (учитель не обязан всех учеников любить – это просто невозможно, но он должен ученика ценить как уникальное человеческое существо, как развивающуюся личность), не должно перерасти в недоброжелательность – вот на это учитель просто профессионально не имеет права. Психика ученика – инструмент тонкий и хрупкий – довольно быстро и остро начинает ощущать недоброжелательность учителя, приводящую к созданию в классе невыносимой ситуации, порождающей у младших школьников тревогу, страх, а у старших – резкие реакции протеста, отказы от посещения школы, т.е. многообразные проявления неврозов.

В противовес этому доброжелательность учителя, вовремя оказанная социальная поддержка – вовремя сказанное слово одобрения, уважительное отношение к ученикам любого возраста – формируют то, что создает положительный эмоциональный фон, который, кстати, способствует лучшему усвоению знаний учащимися. Положительные эмоции стимулируют деятельность сердца, в результате чего увеличивается количество крови, поступающей в мозг, что улучшает питание мозговой ткани. В результате этого повышаются функциональные возможности мозга и стимулируется ассоциативная деятельность [18]. И вызывает удивление, когда некоторые учителя это предают забвению, считая, что их задача – только трансляция знаний, им некогда лишний раз поддержать и похвалить ученика. Этим, на наш взгляд, о чем мы выше уже говорили, грешат, как ни странно, чаще всего учителя в рамках так называемого развивающего обучения. Видимо, эта тенденция, которую мы обозначили как тенденцию отчуждения интеллекта от личности, может расти, как нам представляется, в связи с введением ЕГЭ.

Следует помнить, что нетактичное поведение педагога по отношению к тому или иному ученику, особенно в начальной школе, порой провоцирует отрицательное отношение к нему со стороны сверстников. Стиль общения учителя с детьми сказывается на характере взаимоотношений между ними. Исследования показывают, что в классах с положительным стилем отношений учителя к ученикам уровень благополучия взаимоотношений выше, чем в классах с отрицательным стилем поведения учителя [12, 19].

Первый класс школы – один из наиболее существенных критических периодов в жизни детей. Поступление в школу для многих из них – эмоционально-стрессовая ситуация: изменяется привычный стереотип жизни, действуют новые факторы (классный коллектив, личность учителя, изменение режима, непривычно длительное ограничение двигательной активности, появление новых (не всегда привлекательных) обязанностей и др.), в силу чего возрастает психоэмоциональная нагрузка. От того, как пройдет адаптация на первом году обучения, во многом зависит работоспособность и успеваемость в последующие годы. Более того, наблюдения и исследования показывают, что в подавляющем большинстве того хорошего и плохого, что мы наблюдаем при переходе в средние и старшие классы и в период обучения в них, – это результат особенностей жизнедеятельности в начальной школе, начиная с первого класса.

В заключение мы хотим сказать, что не пытаемся огульно обвинять всех учителей начальных классов; есть немало исключений. Конечно,

ростки «нашей новой школы» в нашей сегодняшней общеобразовательной системе есть, некоторые из них заложены уже давно. Особенно важно, чтобы эти ростки прорастали в сфере духовной, поскольку, как предупреждал более ста лет назад А. Шопенгауэр, «нравственность, замешанная на торгашестве и выгоде, не даст хороших плодов». И действительно, без нового учителя, без истинной духовности школьного учителя «новой школы» не получится. И здесь не поможет просто смена вывески. Не поможет и формальный переход на ФГОСы нового поколения.

Заключение:

1. При всем многообразии неблагоприятных факторов, затрудняющих адаптацию и обуславливающих дезадаптацию ребенка к школе, школьные неврозы и астении, о которых шла речь выше, «нельзя не упомянуть, – подчеркивает Громбах [б. С. 52], – о роли учителя». В одном из наблюдений в школе, куда поступили 32 ребенка одного детского сада, было установлено, что лишь 5 из них быстро адаптировалось к школе, у 7 наблюдались затруднения в адаптации, а 20 так и не адаптировались в 1-м классе. Он считает, что такой результат обусловлен во многом тем, что в наблюдаемом классе учитель поддерживал дисциплину чрезмерной строгостью, порицал плохое выполнение заданий, ко всем детям предъявлял одинаковые требования. А ведь эмпирические исследования показывают [б. С. 47], что наблюдаются значительные индивидуальные колебания в сроках наступления адаптации: от 3 до 16 недель!

2. В связи с этим следует обратить особое внимание на начальное звено общеобразовательной школы. Это, несомненно, сегодня самое слабое и уязвимое в профессиональном плане школьное звено. Конечно, труд учителя начальной школы нелегкий. Конечно, желательно уменьшать число учеников в классах, соответственно, увеличивать число начальных классов. Вне всякого сомнения, нужно увеличивать заработную плату учителям начальной школы. Это позволит повысить престиж учителя начальной школы, а значит, следует надеяться, что пойдут учиться на учителя начальных классов более сильные во всех отношениях, особенно в интеллектуальном плане, выпускники школ, будет отбор на соответствующие специальности.

3. Нужно совершенствовать систему повышения квалификации учителей начальных классов, во многом ее изменить. Во-первых, это повышение квалификации должно быть не раз в пять лет, а чаще. Здесь могло бы помочь введение так называемого супервизорства [11] – профессионально-личностного сопровождения учителей начальных классов.

Во-вторых, необходимо обратить особое внимание на интеллектуальный уровень учителей начальных классов.

4. «Наша Новая школа» должна проходить во всех случаях жесткую психогигиеническую и кадровую экспертизу (личностную и интеллектуальную), поскольку дело не только в регламентировании учебной нагрузки, но и в том, кто и как эту учебную нагрузку преподносит.

5. Продолжить учить и повышать квалификацию в плане умения учителя строить отношения и взаимодействовать не только с детьми, но и с родителями, умения быть «по одну сторону баррикад», не только поучать родителей, требовать, чтобы они слушали, но и слушать и слышать родителей. Не сталкивать родителей, не выдавливать или расправляться с их помощью с неудобными и неугодными, как это имело место в описанном выше случае.

6. Учить и повышать квалификацию учителей начальных классов и в плане здоровьесберегающего обучения и здоровьесберегающего воспитания.

Литература

1. *Безруких М.М.* Знаете ли вы своего ученика? М. : Просвещение, 1991.
2. *Безруких М.М.* Школа и здоровье // Материалы научно-практической конференции. Секция «Характер отношений в школе и здоровье детей». М., 1998. С. 51–54.
3. *Божанов А.* Психогигиенические аспекты взаимоотношений учитель – ученик // Гигиена и здравоохранение. 1975. № 1. С. 78–83.
4. *Васильева О.С., Филатов Ф.Р.* Психология здоровья человека. М. : Академия, 2001.
5. *Выготский Л.С.* Избранные психологические труды. М., 1983. Т. 3.
6. *Громбах С.М.* Школа и психическое здоровье учащихся. М. : Медицина, 1988.
7. *Гроф С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992.
8. *Десятникова В.Ф.* Особенности распространенности неврозов среди различных групп городского населения // Журнал невропатологии и психиатрии. 1974. Т. 1. С. 497–506.
9. *Добрынин Н.Ф.* Основные вопросы психологии внимания // Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. 1. С. 207–220.
10. *Залевский Г.В.* Введение в клиническую психологию. Томск : Изд-во ТГУ, 2010.
11. *Залевский Г.В.* Психологическая супервизия. Томск : Изд-во ТГУ, 2010.

12. *Залевский Г.В., Залевская Е.И.* Стиль педагогического общения учителя с учащимися как фактор воспитания // Воспитание в процессе обучения. Львов, 1981. С. 90–96.
13. *Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В.* «Дети индиго»: психологическая реальность или психологический миф? Между одаренностью и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 73–76.
14. *Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В.* Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития личности и ее здоровья. // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
15. *Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В.* Некоторые проблемы психологии здоровья и здорового образа жизни // Сиб. психол. журн. 2010. № 35. С. 6–10.
16. *Исаев Д.Н.* Психопрофилактика в практике педиатра. М. : Медицина, 1984.
17. *Ковалев В.В.* Психиатрия детского возраста. М. : Медицина, 1979.
18. *Киколов А.И.* Обучение и здоровье. М. : Высшая школа, 1985.
19. *Коломинский Я.Л.* Психология личных взаимоотношений в детском коллективе. Минск : Народнаасвета, 1969.
20. *Никифоров Г.С.* Психология здоровья. СПб., 2002.
21. *Никифоров Г.С.* Психология здоровья. СПб. : Питер, 2006.
22. *Сухомлинский В.А.* Избранные педагогические сочинения : в 3 т. М. : Педагогика, 1979–1981.
23. *Ушаков Г.К.* Детская психиатрия. М. : Медицина, 1973.

**«ДЕТИ ИНДИГО»:
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ?
(между одаренностью и синдромом
дефицита внимания с гиперактивностью)**

Нет, пожалуй, более обросшей мифами темы в Интернете и СМИ, чем «дети индиго». О них говорят уже почти три десятилетия, и с каждым годом все громче.

Появление «детей индиго» в 1970–1980-е гг. прошлого столетия можно считать совершенно своевременным и очень актуальным, поскольку число детей, да и подростков, с подозрением на «цвет фламинго» начало очень быстро расти, если иметь в виду печальную статистику разного рода преступлений, в том числе убийств и самоубийств среди детей и подростков за последние десятилетия, рост числа жалоб воспитателей и учителей на «трудных» детей и подростков, родителей – на «неуправляемых» детишек, участвующую тенденцию постановки врачами, особенно педиатрами, диагнозов «синдром дефицита внимания» (СДВ), «синдром гиперактивности» (СГ), а то обоих вместе «синдром дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВГ), что очень «отдаёт» гипердиагностикой. Некоторые считают, что «детей индиго» до 10 лет сегодня не менее 90%. Надо полагать, что их должно быть немало и после 10 лет. Правда, по возрасту после десяти лет статистики нет. Но те, которые были десятилетними десять лет назад, сегодня уже двадцатилетние. Поэтому некоторые авторы считают возможным говорить и о «взрослых индиго» (Кэрролл, Тубер Дж. «Дети индиго». М., 2009).

В каком бы цвете ауру этих детей ни увидела в семидесятые годы экстрасенс и ясновидящая Нэнси Энн Тэпп (а увидела она ее в темно-синем цвете, цвете индиго, цвете фламинго), описав в своей книге «Понимание жизни через цвет» (1982), это был психологически акт гуманный, хотя педагогически пессимистичный, медицински – неопределенный (трудность диагноза, лечить – не лечить и как), а социально (социально-психологически, социально-правово) – неоднозначный (двусмысленный, сомнительный), научно – требующий объективных объяснений.

Гуманность этого «открытия» состоит в том, что «дети индиго» пришли в этот мир, так сказать, «в готовом виде», со всеми своими особенностями и поведением, а потому, разумеется, за свои поступки не отвечают, они невинны и невиновны.

Педагогический пессимизм в таком случае совершенно очевиден, поскольку они пришли в этот мир «со всем своим – опытом, взглядами, мудростью, ценностями», «не они должны слушать родителей, учителей, вообще старших, а совсем наоборот – к ним надо прислушиваться» – они знают, что изменят наше сознание.

Растерянность медицины и медиков в связи с неясностью, «дети индиго» – это болезнь, патология психическая, а если все-таки этот феномен в пределах нормы, то какой? Ответ на этот вопрос, к сожалению, дается, как правило, в пользу диагноза.

Социально (психологически, правово) возникают трудности в отношениях к этим детям юридического плана, принятия их «особенности», пришедших на землю «с миссией спасения человечества», их сверходаренности и даже гениальности; а не попали мы здесь на крючок, пытаюсь реформировать наше образование под них, создавая так называемые элитное и элитарное образования? Уже имеются проекты учебного центра «Дети индиго», есть даже «Индиго-садик», правда, приглашение в него звучит несколько шире: «создан для детей, которые по каким-то причинам не посещают традиционный детский сад» (<http://www.detilun.ru/indigocod.htm>).

Наука, в том числе и психологическая, должна попытаться разобраться, о чем идет речь, когда говорят о «детях индиго»; во Франции их называют «тефлоновыми детьми», в Англии – «детьми тысячелетия», в России они «дети света».

На смене столетий и тысячелетий при галопирующей цивилизации, все увеличивающемся схизисе между культурой и цивилизацией появляются «дети цивилизации». Видимо, «дети индиго», или «новое поколение», «поколение “i”», и являются таковыми. Существует несколько гипотез их появления: космогенная, техногенная и неслучайности появления.

Космогенная гипотеза наиболее распространена среди уфологов. Согласно ей «дети индиго» появились, благодаря вмешательству пришельцев, цель которых была получить новую человеческую расу с более высоким уровнем интеллектуального и духовного развития, чем нынешние земляне, тем самым предотвратить ядерное саморазрушение человечества, сделать его более разумным.

Техногенная объясняет появление этих детей результатом техногенной эволюции человечества. Звучит правдоподобно, так как появление их совпало со временем всеобщей компьютеризации. Однако эта гипотеза не может объяснить тот факт, что «дети индиго» «вспоминают свою прошлую жизнь на земле».

«Дети индиго» появились не случайно. Как за 20–25 лет до больших войн рождается больше мальчиков, так и в критические моменты развития человечества рождаются предвестники новой цивилизации.

Мы решаемся предложить свою версию появления «детей индиго» и ответа на вопрос, кто они такие. Такие дети всегда рождались на изломах культур и цивилизаций, но не как «предвестники новых цивилизаций», а как «дети текущей, переживающей культурный кризис цивилизации, как жертвы этого кризиса и данной цивилизации». Эта гипотеза представляется правдоподобной, если принять к сведению, что все их разнообразие помещают, как правило, между двумя мифами: «дети индиго» – вундеркинды и «дети индиго» – неуправляемые избалованные монстры с «синдромом дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВГ).

К. и Дж. Кэрролл (2009. С. 33–34) предлагают два способа идентификации «детей индиго».

1. Если «дети индиго» признаны «трудными», необходимо внимательное тестирование:

– хотя не все дети индиго пройдут тест на одаренность по всем параметрам, большинство из них, если не все, хотя бы по одному параметру (или вспомогательному тесту на IQ) покажут очень высокий уровень;

– знание школьной программы чаще всего будет, по крайней мере, на среднем уровне.

2. Если ребенку поставлен диагноз СДВГ, имеется вероятность того, что он индиго.

Понаблюдайте за ним пристальнее в диапазоне его разрушительного поведения, которое и наталкивает остальных на мысль о синдроме СДВГ.

«Дети индиго» считаются гиперактивными нарушителями порядка, которые никогда не слушаются, поскольку старые способы воспитания (такие, как прямые просьбы) в этом случае не действуют. По мнению Баркли (Barkley, 2001), первичным дефектом в синдроме СДВГ является трудность поведения по правилам (“deficit in rule governed behaviour”)

Десять признаков, которые лучше всего описывают этот новый тип детей.

Они приходят в мир с чувством достоинства (и часто поступают так же).

Они чувствуют, что «достойны быть здесь», и удивляются, когда другие этого не разделяют.

Самоуважение не просто вопрос. Часто они говорят своим родителям «кем они являются».

У них возникают проблемы с абсолютной властью (властью без объяснений или без возможности выбора).

Они просто не делают обычных вещей (например, стоять в строю для них проблема).

Они фрустрируются в ритуально-ориентированных и не требующих творческого мышления системах.

Они часто видят лучший способ, чтобы что-то сделать, как дома, так и в школе, поэтому кажутся «чудесами системы» (не вписывающимися в систему).

Они кажутся антисоциальными, если не находятся в своем кругу. Если рядом нет никого с подобным образом мышления, они часто «сворачиваются внутрь себя», чувствуют, что их никто не понимает. Школа для них очень часто является крайне сложной в социальном плане.

Они не будут реагировать на «наказания» дисциплиной («Подожди, вот придет домой твой папа и увидит, что ты наделал»).

Они не стесняются сказать Вам, если им что-то нужно (Кто такие Индиго-дети? 2009. С. 2. <http://indigo.e-puzzle.ru>).

Не все «дети индиго», считают Л. и Дж. Тоубер (2009. С. 8), имеют психологические проблемы, но если таковые имеются, то обычно ставится диагноз СДВ или СДВГ.

В 2006 г. Институт возрастной психологии РАО издал специальный выпуск альманаха «Новые исследования» (№ 2), полностью посвященный Синдрому дефицита внимания с гиперактивностью. Главный редактор Альманаха М.М. Безруких, открывая его, отмечает, что в последние десятилетия воспитатели и педагоги, врачи и родители уделяют особое внимание детям очень активным и невнимательным. Гиперактивность, часто сочетающаяся с разнообразными нарушениями внимания, может быть причиной нарушений поведения, трудностей в обучении и проблем со сверстниками и взрослыми. По различным данным, дети с СДВГ составляют от 2,2 до 28% детских популяций в разных странах: в России – от 4 до 34%, в США – от 4 до 20%, в Великобритании – 1–3%, в Италии – 3–10%, в Китае – 1–13%, в Австрии – 7–10%. Столь широкий разброс данных, считает она, связан прежде всего с тем, что в настоящий момент в мире нет специфических методов четкого и достоверного выявления этого синдрома. Особой проблемой до сих пор остается объективная диагностика СДВГ. Стандартные опросники, используемые сегодня, дают очень субъективную и не всегда адекватную характеристику поведения ребенка. Авторы данной статьи были свидетелями, как детский невролог в одной клинике и педиатр в другой выносили приговор ребенку в виде диагноза СДВГ, причем наблюдали его впервые и в течение пяти минут,

потому что в одном случае он не прятался за маму в новой обстановке, а свободно общался со сверстниками и взрослыми, в другом – заинтересовался игрушкой в кабинете врача и тут же пошел к ней, на ходу спрашивая разрешения с ней поиграть (кстати, играл с ней достаточно долго). Кроме того, подчеркивает М.М. Безруких (Там же. С. 7), существует группа детей, чьи индивидуальные особенности темперамента могут быть сходны с СДВГ, но не сопровождаются нарушениями внимания. Мы считаем, что здесь играют роль не только особенности темперамента, но и другие составляющие индивидуальности ребенка. Ребенок, воспитанный в послушании и страхе, вряд ли будет себя вести так, как ребенок, о котором мы говорили выше.

Так где же норма? М.М. Безруких считает, что здесь виноват субъективизм оценок, на основе которых ставится диагноз СДВГ. Ситуация осложняется тем, считает она, что информированность специалистов системы образования и родителей об этом синдроме, его причинах, механизмах и мерах эффективной помощи детям чрезвычайно низка. Так, по данным Института возрастной физиологии РАО, лишь 14% педагогов, 9% воспитателей, 46% психологов (!) и 17% родителей имеют некоторые представления (т.е. слышали, что такое заболевание есть), но лишь 4% педагогов, 0,5% воспитателей и 5% родителей знают, как проводится диагностика СДВГ, а считают возможной и знают варианты коррекции только 4% педагогов, 0,5% воспитателей и 3% родителей. Хуже всего то, что большая часть педагогов, воспитателей и родителей считают, что при СДВГ необходимо медикаментозное лечение. Врачи в этом убеждены однозначно.

Такие представления фактически снимают с педагогов и воспитателей ответственность за психолого-педагогическую поддержку, сопровождение и использование мер помощи этим детям. Исследования Института возрастной физиологии РАО убедительно доказали, что комплексная междисциплинарная диагностика с включением объективных ее методов, а также своевременная работа с гиперактивными дошкольниками 5–6 лет значительно снижают или полностью снимают факторы риска, приводящие к проблемам обучения и воспитания.

Однако воспитатели, педагоги и даже школьные психологи до сих пор не владеют этими методиками, не получают необходимых знаний в процессе профессиональной подготовки и переподготовки (Там же. С. 8).

Феномен чрезмерной детской активности и невнимательности известен уже давно. Первые упоминания о нем в медицинской и педагогиче-

ской литературе относятся к концу XVIII – середине XIX вв. Наиболее ранним клиническим упоминанием о ребенке с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью может считаться описание, сделанное в 1798 году психиатром Александром Кричтоном. В 1845 г. немецкий врач-психоневролог Генрих Хоффман описал чрезвычайно подвижного ребенка, которого он назвал «Непоседа Фил».

Исследования показывают (Вольф Н.В. и др., 2006. С. 37), что многие дети с СДВГ имеют хороший интеллектуальный потенциал. Существует мнение, что при правильной коррекции поведения и использовании современных средств лечения из таких детей часто формируются творческие (креативные), энергичные в работе личности с позитивной самооценкой. Однако механизмы формирования связи между СДВГ и креативностью не ясны, хотя известно, что отделы мозга, функции которых изменены при СДВГ, относятся к системе контроля поведения и участвуют в обеспечении творческой деятельности.

В заключение хотим сказать о возможных сомнениях по поводу того, а стоит ли ученым обращаться к феноменам, «открытым» фактически в парапсихологии. «Детями индиго» всерьез занимаются во многих странах мира: Швейцарии, Китае, Израиле, Северной Корее и на Кубе. Официальная российская педагогика и детская психология существование феномена «индиго» не признают. Если отбросить уфологическую и эзотерическую шелуху («они пришли, чтобы изменить наше сознание», «они помнят о своей прошлой жизни», «среди детей индиго есть те, кто пришел на землю впервые, а есть те, которые уже прошли сквозь третье измерение», «индиго – это межпланетное явление, они пришли с других планет» и т.д., и т.п.), то их надо понимать и принимать, как детей своего времени, скорее, как детей современной цивилизации, а может, и как ее жертв, как бы они ни светились. А потому считаем, что ученым следует обратить внимание на дискуссии по этой проблеме; ведь цена вопроса очень большая – речь идет о наших детях и внуках, их будущем.

Литература

- Безруких М.М.* Введение. Новые исследования. Альманах. 2006. С. 6–8.
Вольф Н.В. и др. Проблемы, рекомендации и перспективы при изучении синдрома дефицита внимания с гиперактивностью // Новые исследования. Альманах. 2006. С. 36–56.
Тоубер К., Тоубер Дж. Дети Индиго. 2009. URL: <http://indigo.e-puzzle.ru/indl.html>. P. 3–119.
Дети Индиго. Кто они? 2009. С. 1. URL: [Copyrightindigo-x.ru](http://copyrightindigo-x.ru) 2008
Barkley R.A. The executive functions and self-regulation: an evolutionary neuropsychological perspective // *Neuropsychol. Rev.* Vol. 30. P. 145.

ПОДВЕДЕНИЕ ОБЩИХ ИТОГОВ

От хронологии событий к размышлениям о событиях

При подведении итогов, даже и промежуточных, важно не только их хронологическое изображение по каким-то временным периодам, например, по эпохам, как это я попытался сделать. Также важно, видимо, отрефлексировать события каждой обозначенной эпохи, как я тоже попытался сделать. Чувствуется все же необходимость поразмышлять и о жизни вообще, о ее смысле и т.д. Правда, по мнению Фрейда, если человек заговорил о смысле жизни, то это означает, что он серьезно болен, а я добавил бы, либо он уже в таком возрасте, что пытается окончательно подвести итоги своей жизни. Поскольку ничто ко мне не подходит из сказанного относительно здоровья и возраста, то скажу только, что смысл жизни вообще в самой жизни. А дальше каждый человек толкует его по-своему, сколько людей, сколько жизней, столько и смыслов ее.

С позиций сегодняшнего дня видны и объяснимы, но, увы, неисправимы ошибки, коих немало было допущено. Были взлеты и падения, но всегда удавалось подняться и идти дальше. Сегодня я могу думать, что где-то внутри меня была идея, мысль, смысл которой сегодня звучит как афоризм моей жизни. «Дорогу, даже если она идет вверх, осилит идущий».

Сегодня можно сказать, что я действительно, как некоторые считают, в каком смысле «везунчик». Мне повезло с родителями, в плане генетики и их любви ко мне, ко всем своим детям, несмотря на их болезни и жизненные трудности. Эту атмосферу добрых отношений в недобрых обстоятельствах, это стремление не поддаваться этим обстоятельствам, конечно, заложили в меня они – мои родители, за что я им пытался быть благодарным при их жизни и после. Мне повезло с моими детьми – их у меня четверо, и все они замечательные ребята, были всегда желанны и любимы, они мне

отвечают взаимностью. И я им благодарен за это, за понимание и поддержку. Мне повезло с их мамами, поскольку именно мамы их мне подарили, и я благодарен их мамам, как бы ни сложились или не сложились отношения между папами и мамами. Мне повезло с учителями – в школе и после школы, по жизни. Мне повезло с учениками. Конечно, они разные, со своей философией жизни, в разной степени им присуще чувство благодарности, но в большинстве своем они заслуживают добрые слова, тоже благодарен. Так что, выходит, что я, действительно, не «везунчик», а везучий человек, а значит, счастливый человек.

**ОТЗЫВ на диссертацию Г.В. Залевского
«Психологические особенности ригидности
(к проблеме фиксированных форм поведения)», представленную
на соискание ученой степени кандидата психологических наук**

Работа Г.В. Залевского посвящена разработке целой проблемы, имеющей большое значение для психологии и медицины. Проблемная направленность исследования определила и объём работы и насыщенность содержания. Стержень работы – её 3-й раздел: «Ригидность», в котором раскрывается значение ригидности как проблемы и даётся толкование понятия ригидности как «свойства личности» и как «состояния». Непосредственно этому разделу предшествуют два первых раздела, посвященных стереотипиям и персеверациям. Естественно, что эти разделы строятся на клинических источниках, но с таким расчётом, чтобы приведенные данные не только обобщали то, что известно в области психопатологии стереотипии и персевераций, а послужили бы средством для дальнейшего анализа ригидности, которую автор рассматривает как одну из форм поведения (фиксированных форм поведения). Указанные три раздела составляют первую главу. Надо признать, что глава эта имеет самостоятельное значение, так как выполнена в стиле хорошей монографии (объём 92 стр.). Вторая глава «Экспериментально-психологическое исследование ригидности» начинается с небольшого раздела «К постановке проблемы», в котором имеются два важных указания на позицию автора: 1. Ригидность стала предметом экспериментального изучения потому, что она (в отличие от остальных фиксированных форм поведения) является прежде всего понятием общепсихологическим. 2. Ригидное действие подвергается анализу на основе структурно-уровневого подхода. Это означает, что автор стремится раскрыть природу ригидности как бы «изнутри», а не с помощью факторов, находящихся «вне самого действия». В соответствующих разделах этой главы даётся описание использованных методов. Здесь нет возможности перечислять все пробы, использованные автором, так как им привлечены и широко известные методы (по выражению автора), так и новые, оригинальные методы («образование предложений с омонимами», «компликаторная методика»). Здесь поражает эрудиция автора, равно как и в описании «вспомогательных» методов – анкет, вопросников по самооценке ригидности, взятых из зарубежных работ и соответствующим об-

разом переработанных. В расположении материала, в разъяснении, как надо пользоваться методами, присутствует очень важная мысль, правда специально не сформулированная. Речь идёт о том, что между полнокровным (хотя, возможно, и отрицательным) жизненным явлением – ригидностью конкретного человека, проявляющейся в его поведении, в общении с другими людьми и экспериментальной пробой, всегда существует неминуемый разрыв. Поэтому возникает много разговоров о репрезентативности методик, о их модельном характере, и проч. Но именно анкетный метод, который, на первый взгляд, кажется слишком общедоступным, серым и скучным, при правильном использовании может выступить в качестве очень важного «вставочного» звена между жизнью и психологическим экспериментом. Недаром автор, называя опросники и анкеты вспомогательными, подчёркивает этот эпитет, тем самым выделяя его. В приведенных автором экспериментах участвовало около 500 испытуемых (школьники, студенты, преподаватели), часть экспериментов проведена в неврологической и психиатрической клиниках. Вполне признавая, что это не входит в задачу работы, нельзя не выразить сожаления, что автор не даёт описаний отдельных наблюдений. На основании многочисленных наблюдений, экспериментов, кстати дополненных электрофизиологическими (ЭЭГ, угашение КГР), автор даёт уточнённую и расширенную классификацию исследованных лиц по критерию ригидности, дополняя «грубое» деление людей на «ригидных» и «флексибильных» такими обозначениями как «гипоригидные», «модификаторы» и «субъективисты». Не пересказывая содержание этих понятий, ограничусь лишь замечанием, что указанные понятия интересны и полезны. Являются ли они отображением существенных психологических особенностей личности или ситуационным срезом в том или ином эксперименте – эти понятия отражают важную психологическую категорию явлений, не всегда лежащих на поверхности и в силу этого их прямая приложимость для нужд профессионального отбора и в особенности для психологической экспертизы, рождению которой во многом препятствовало именно отсутствие определений и целенаправленных методов (за исключением авиации, транспорта и космоса). Большое количество экспериментов, количественная обработка результатов позволили автору выделить в специальные разделы вопросы о соотношении ригидности и темпа психической деятельности, а также связи ригидности с возрастом и полом. И вторая глава также имеет самостоятельное значение, вид вполне законченного исследования (объем 53 стр.). Последняя глава – «Структурно-уровневый анализ ригидного действия».

В кратком введении к главе «К постановке проблемы» излагается позиция автора, которую, несколько перефразируя его текст, можно назвать стремлением к синтетическому подходу, который заключается в поиске мета-языка, позволяющего через новое понятие открыть существо явления, допускающего его разноплановое толкование. В развернутом виде излагаются основные положения так называемой «структуры» действия. Хотя предполагается, что положение о «структуре» и уровнях действия хорошо известны специалистам-психологам, психопатоологам и физиологам биомеханического толка, на деле этого, конечно, нет. Вопрос этот достаточно сложен и не за счёт того, что имеется какой-то специальный аппарат, которым надо овладеть (как, например математическим аппаратом или нотной азбукой). Речь идёт о сложности другого рода: многое написанное на родном и понятном любому грамотному человеку языке по поводу уровней действия и в особенности по структуре действия очень сложно потому, что язык объяснений является тем же языком, на котором написаны утверждения, требующие объяснений. Поэтому хорошо, что автор вновь приводит изложение высказываний А.Н. Леонтьева, Е.В. Гурьянова и проч. Интересны напоминания о П. Жане, который дал «уровни» повторяющихся и сейчас без упоминания о крупном учёном-исследователе и мыслителе. Хорошо и критически дан анализ психоаналитическим теориям ригидности и ригидности по К. Гольдштейну, К. Левину и Г. Вернеру. Автор спокойно, без излишней фетишизации отдаёт дань и Л. Выготскому, Д. Узнадзе. Здесь как бы под влиянием самого понятия ригидности работа автора едва ли не превращается во вторую диссертацию, так как вновь идёт обращение к своим данным. Но этот вывод был бы неправилен. Просто налицо необычное распределение материала, отступление от школьного порядка в написании диссертаций, и автор отводит от себя возможность такого упрека заглавием третьего (и последнего) раздела главы «Реинтерпретация клинических и экспериментальных данных с точки зрения структуры и уровней действия». Автор даёт толкование понятия ригидность. Я его не буду приводить, оно целиком сформулировано в выводах диссертации. Скажу лишь, что это определение вполне обосновано экспериментальной работой, анализом литературных данных и указанной выше «реинтерпретацией». Очень жаль, что автор, совершенно четко выразив мысль о том, что ригидность – это не просто недостача чего-то, а новое качество, возникшее у человека из-за его особенностей, из-за ситуации или возраста – не выделил этого в выводах. Ригидность – это «игровое» понятие, поэтому то часть испытуемых так и не стали участво-

вать в экспериментах, они не приняли «игру». Для понятия ригидности, мне кажется интересным привлечение понятий «логических парадокс» и гомеостатический механизм. Говоря об этом, я отдаю себе отчёт, что призываю автора вернуться к многоаспектному подходу, но не могу этого не сделать, так как работа вызывает много мыслей. В целом работу следует оценить как большую работу монографического плана, раскрывающую по-новому проблему ригидности. По всем требованиям она является докторской диссертацией. Поэтому, чтобы выполнить законную формальность ограничиваюсь выводами: 1. Диссертация вполне и с большим избытком соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Автор вполне достоин ученой степени кандидата психологических наук. Автореферат по содержанию соответствует диссертации. Имеется достаточное число публикаций, отражающих содержание работы. Считаю своим долгом обратиться к Учёному Совету с предложением о рассмотрении представленной работы как докторской диссертации и представлении автора к степени доктора психологических наук, которой он достоин. Считаю также необходимым рекомендовать работу к печати. В такой монографии будет заинтересован самый широкий круг уже готовых специалистов, несомненна её польза для людей, подготавливающихся к работе в психологии и медицине.

*Официальный оппонент,
зав. лаб. «Психические состояния»
ВНИИ общей и педагогической психологии,
профессор, доктор мед. наук /Ф.Д. Горбов/*

Фёдор Дмитриевич Горбов
(06.06.1916–17.12.1977)

Старший врач авиационного пока; ординатор неврологического отделения, Начальник лаборатории Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя; заведующий отделом Института медико-биологических проблем; Начальник лаборатории Академии педагогических наук СССР; учёный в области авиационной медицины; основоположник космической психологии; полковник медицинской службы в отставке

**Алфавитный указатель произведений Г.В. Залевского,
вошедших в т. 1–6**

Антропос – человек, устремленный ввысь (Целостно-ценностная парадигма в контексте антропологической психологии) – т. 1, с. 245

Биография в фотографиях – т. 6, с. 113

Введение в клиническую психологию – т. 3, с. 3

Границы понимания и безграничность объяснения – т. 1, с. 215

«Дети индиго»: психологическая реальность или психологический миф?
(Между одаренностью и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью) – т. 6, с. 93

Когнитивно-бихевиоральные методы терапии и консультирования детей – т. 4, с. 149

Когнитивно-поведенческая терапия при депрессиях (По материалам зарубежных исследований) – т. 4, с. 169

Когнитивно-поведенческая терапия при нарушениях личности – т. 4, с. 181

Малый трехязычный психологический словарь – т. 5, с. 3

Основы современной бихевиорально-когнитивной терапии и консультирования – т. 4, с. 3

Отцовство: некоторые психологические проблемы – т. 6, с. 65

Перевод с немецкого. Николас Хофман. Поведенческая терапия и когнитивные технологии. Что она может, как влияет и как помогает – т. 5, с. 359

Подведение общих итогов – т. 6, с. 101

Психогигиена в контексте психологии здоровья: краткая история, задачи и проблемы – т. 3, с. 203

Психология здоровья студенческой молодежи – т. 3, с. 211

Психология и психологи на пороге XXI века – т. 1, с. 11

Психологическая супервизия – т. 4, с. 187

Разновозрастные браки: радости и проблемы – т. 6, с. 53

Смысл жизни – в самой жизни – т. 6, с. 7

Теоретические основы психологического и психопатологического исследования – т. 1, с. 21

Фанатизм в контексте проблемы фиксированных форм поведения человека и социальных сообществ – т. 2, с. 327

Фиксированные формы поведения на уровне индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии) – т. 2, с. 3

Школа и здоровье учащихся: «школьный невроз» как следствие деструктивного поведения учителя – т. 6, с. 75

Элементы фиксированности в диагностическом мышлении врача-психиатра – т. 2, с. 363

Alphabetical index of G.V. Zalevsky's works included in Volumes 1–6

Anthropos is a man directed to upwards (the whole-valuable paradigm in context of Anthropological Psychology) – vol. 1, s. 245

Biography in pictures – vol. 6, s. 113

Introduction to the clinical psychology – vol. 3, s. 3

The bounds of understanding and boundlessness of explanation – vol. 1, s. 215

«Indigo children»: psychological reality or psychological myth?
(between endowments and syndrome of attention deficit) – vol. 6, s. 93

Cognitive-behavioral methods of therapy and consultation of children – vol. 4,
s. 149

Cognitive-behavioral therapy by depression – vol. 4, s. 169

Cognitive-behavioral therapy by personality disorders – vol. 4, s. 181

Trilingual psychological dictionary – vol. 5, s. 3

Moder behavioral-cognitive therapy and consultation – vol. 4, s. 3

Paternity: some psychological problems – vol. 6, s. 65

Translation from German. Nicolas Hoffman. Behavior therapy
and cognitive technologies – vol. 5, s. 359

Sum total up – vol. 6, s. 101

Psychohygiene in the context of health psychology
(brief history, tasks, problems) – vol. 3, s. 203

The health psychology of students – vol. 3, s. 211

Psychology and psychologists on the threshold of XXI century – vol. 1, s. 211

Psychological supervision – vol. 4, s. 187

Misalliances (different age marriages): the joys and problems – vol. 6, s. 53

Meaning life is in the life self – vol. 6, s. 7

The theoretical basis of psychological and psychopathological research – vol. 1, s. 21

Fanatism in the context of problem of fixed forms of behavior of man and social groups – vol. 2, s. 327

Fixed forms of behavior on level of individual and group systems (in culture, education, science, in norm and pathology) – vol. 2, s. 3

School and pupils health: «school neurosis» as consequences of the destructive teacher behavior – vol. 6, s. 75

Elements of fixating in diagnostic thinking of psychiatrist – vol. 2, s. 363

СОДЕРЖАНИЕ

Том шестой

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (Штрихи к портрету юбиляра) <i>(В.И. Кабрин)</i>	5
СМЫСЛ ЖИЗНИ – В САМОЙ ЖИЗНИ	7
РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ БРАКИ: РАДОСТИ И ПРОБЛЕМЫ <i>(в соавт. с Ю.В. Кузьминой)</i>	53
ОТЦОВСТВО: НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	65
ШКОЛА И ЗДОРОВЬЕ УЧАЩИХСЯ: «ШКОЛЬНЫЙ НЕВРОЗ» КАК СЛЕДСТВИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ <i>(в соавт. с Ю.В. Кузьминой)</i>	75
«ДЕТИ ИНДИГО»: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ? (Между одаренностью и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью) <i>(в соавт. с Ю.В. Кузьминой)</i>	93
Подведение общих итогов	101
Отзыв на диссертацию Г.В. Залевского «Психологические особенности ригидности (к проблеме фиксированных форм поведения)», представленную на соискание ученой степени кандидата психологических наук	103
Алфавитный указатель произведений Г.В. Залевского, вошедших в т. 1–6	107
Биография в фотографиях	113

Научное издание

Г.В. Залевский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В шести томах

Том шестой

**Автобиографический
(«А еще психолог!?!»)**

Ответственный за выпуск – К.Г. Шилько

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 6.02.2013 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 10,2.

Тираж 100 экз. Заказ № 294.

Отпечатано на оборудовании

редакционно-издательского отдела

Томского государственного университета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011

Тел. 8+(382-2)–52-98-49

ISBN 978-5-9462-1388-2

9 785946 213882 >